

A person wearing a white hooded robe with a large red cross on the back is seen from behind. They are standing on a rooftop or balcony overlooking a town with a prominent Gothic cathedral spire in the background under a cloudy sky.

АРТУР КРУПЕНИН

КАНИКУЛА

< ДЕЛО О ТАЙНОМ ОБЩЕСТВЕ >

Глеб Стольцев

Артур Крупенин
**Каникула (Дело о
тайном обществе)**

«Автор»

2017

Крупенин А. Б.

Каникула (Дело о тайном обществе) / А. Б. Крупенин — «Автор», 2017 — (Глеб Стольцев)

ISBN 978-5-900048-66-6

В третьей книге, продолжающей серию детективов о Глебе Стольцеве, ученом-историке с уникальным даром – взяв в руки любую вещь, он способен почувствовать то, что чувствовали люди, прикасавшиеся к этому предмету в прошлом, – главному герою предстоит разгадать мрачную загадку, в которой тесно переплелись разные времена и страны. Известный археолог найден убитым в своей квартире. На его рабочем столе ножом выцарапано загадочное послание. На каком языке оно написано? Что означает? Кому адресовано? Действие романа переносит читателя из Москвы в Мадрид, из Мадрида в Толедо и снова в Москву. Смерть археолога оказывается непостижимым образом связана с событиями, случившимися много веков назад. Разгадать таинственную надпись и выйти на след убийц под силу только одному человеку – блестящему историку и знатоку древних языков Глебу Стольцеву.

ISBN 978-5-900048-66-6

© Крупенин А. Б., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4 Вероника	15
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	33
Глава 9	39
Глава 10	43
Глава 11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Артур Крупенин

Каникула (Дело о тайном обществе)

Посвящается Кузе

*Спроси у времен прежних, бывших прежде тебя.
Второзаконие, 4-32*

Крупенин Артур Борисович

- ◆ По образованию переводчик.
- ◆ Долгое время работал сценаристом и телеведущим, был автором и ведущим таких программ как: Ток-шоу «Профессия», ток-шоу «Мужской Клуб», «День за днем», «Краткий курс» и других.
- ◆ Сфера интересов: автор, как и его книжные герои, увлечен древней историей и ее загадками.

Отзывы о книге

Была приятно удивлена книгой Крупенина: захватывающе, очень профессионально и при этом очень познавательно
Татьяна Лазарева, телеведущая, актриса

Я никогда не причислял себя к поклонникам детективного жанра и долгое время сторонился его, но, прочитав «Каникулу», понял, что был неправ.
Александр Феклистов, актер

Перед нами лихо закрученный исторический детектив, написанный прекрасным языком. Согласитесь – это щедрый подарок. А иначе и не могло быть, ибо автор – знаток истории и, как и его главный герой, полиглот. Экстрасенс ли Артур Крупенин? Не берусь утверждать. Но, как бывший психиатр, скажу: он тонкий и очень наблюдательный писатель. Читайте и погружайтесь в увлекательный мир разных эпох, которые переплетены гораздо теснее, чем нам кажется.
Андрей Бильжо, художник, писатель

Глава 1 Испанец

Первое, на что обратил внимание Лучко, была белая футболка под номером семь с символикой мадридского «Реала» и надписью *Raul*. Из-под футболки выглядывал бледный живот с розовым шрамом, видимо, оставшимся после аппендицита.

Пару раз обойдя вокруг тела, застывшего на полу в нелепой позе, капитан взялся за документы. Паспортов оказалось целых два. Оба на одно и то же имя. Да и темно-красные обложки выглядели почти одинаково, чего не скажешь о гербах.

Для начала рука следователя привычно потянулась к двуглавному орлу. Рамон Хуанович Гонсалес. Ну и имечко, язык сломаешь. Впрочем, если верить эксперти-криминалисту, фамилия жертвы была весьма распространенной – что-то вроде нашего Иванова. Оказалось, что каждый пятидесятый испанец, встретившийся вам на улице, непременно окажется Гонсалесом.

А кто же родители? Капитан сверился с наспех подготовленной справкой.

Отец – Хуан Гонсалес, из числа так называемых совиспанцев. В тридцатых ребенком был отправлен в СССР. Женился на Марии Васильевне Шведовой. В 1962 году у них родился сын, которого назвали Рамоном. Несколько лет назад Рамон Гонсалес получил испанское гражданство, но продолжал жить на две страны. Имел жилье в Москве и в Мадриде.

Лучко с любопытством раскрыл второй паспорт с витиеватым гербом, увенчанным короной. Капитан уже успел выяснить, что такие паспорта выдают гражданам Испании, выезжающим за рубеж. Оказалось, что испанцы родом из России, посещая бывшую родину, для удобства прячут этот документ куда подальше и втихаря пользуются своим старым российским паспортом, как это и сделал Гонсалес. В общем, ничего из ряда вон выходящего.

Следователь вернул паспорт на место и снова принялся осматривать кабинет, аккуратно обходя разбросанные по полу вещи. Тут явно что-то искали. Но что?

Разглядывая разлетевшуюся веером пачку фотографий, Лучко невольно засмотрелся на снимок весьма привлекательной женщины, что, смеясь одними глазами и сложив губы трубочкой, пыталась поцеловать объектив фотокамеры.

Затем внимание следователя привлек стол, с которого было сброшено все – бумаги, книги и письменные принадлежности. Каким-то чудом уцелела только одна глиняная статуэтка коровы. Подняв голову, капитан обвел взглядом висящие над столом полки, сплошь уставленные фигурками разнообразных животных. Коллекция была столь обширна, что овцы, слоны, жирафы и прочая живность исчислялись целыми стадами.

С трудом оторвавшись от терракотного зоопарка, Лучко снова сосредоточился на письменном столе. Во всю длину его полированной поверхности крупными неровными буквами было выцарапано непонятное слово: *alucinac*. Следователь почесал в голове. Что бы это значило?

Капитан провел рукой по дереву и, поднеся ладонь к глазам, разглядел крохотный завиток стружки. Хм, царапины совсем свежие.

Осмотрев другие комнаты, Лучко попросил коллег поискать мобильный погибшего. Однако телефона в квартире не оказалось. Капитан тут же дал поручение проверить все звонки на стационарный номер и выяснить, был ли у убитого сотовый, зарегистрированный в России. Выяснилось, что мобильный у Гонсалеса имелся, но куда-то исчез.

Послышался скрип открывшейся двери. Это пришел прослышавший про ЧП участковый. Лучко поманил молодого лейтенанта пальцем и сунул под нос удостоверение.

– По особо важным делам, значит? Ух ты! – удивился участковый и, почтительно козырнув, прошел в комнату. Капитан указал рукой в сторону мертвеца:

– Хозяина знали?

– Совсем немного. Вообще-то он тут не жил.

– Сдавал, стало быть?

– Нет, вроде как про запас держал. Видать, из богатых.

Лучко недоверчиво обвел взглядом скромные интерьеры.

– Что-то непохоже.

– Не знаю, не знаю. Все время проводил за рубежом, говорят, в Европе. Счастливчик!

– Это точно, – криво усмехнулся капитан, кивнув в сторону тела. – А часто он здесь бывал?

– Появлялся наездами, примерно раз в полгода. Иногда один, иногда с женой. Поживут пару недель – и обратно. Наверное, приличную работу нашли.

– Гражданство они там нашли приличное, – вклинилась в разговор бледная, болезненно худая старушка, приглашенная в качестве понятой, пальцем указывая на иностранный паспорт.

Лейтенант принялся с интересом разглядывать испанский герб.

– Выходит, Гонсалес заделался иностранцем? Так вот почему расследованием занимаетесь вы? Теперь понятно. Да уж, хлопотное вам выпало дело.

В голосе участкового послышалось сочувствие. Капитан слегка наклонил голову в знак признательности. Что правда, то правда – расследование убийства иностранного гражданина традиционно сопровождается сердитыми звонками из МИДа и регулярными вызовами на ковер к самому разнообразному начальству. В общем, тот еще геморрой.

Убедившись, что вопросов к нему больше нет, участковый присел на корточки, откинул полиэтилен, которым было прикрыто тело, и присвистнул:

– Классная майка!

Затем, в деталях рассмотрев то, что осталось от лица Рамона Гонсалеса, лейтенант подскочил и пулей кинулся в туалет опорожнять желудок.

Глава 2

Буквы на столе

За годы службы Лучко приходилось сотни раз бывать в морге, но привыкнуть к этим визитам он так и не смог. Ни к длинным мрачным коридорам, ни к скудному освещению, ни к стойкому сладковатому запаху, мгновенно въедающемуся в одежду.

Капитан еще не успел раскрыть очередную дверь извилистого коридора, а *изнутри* уже раздалось истошное гавканье. Хотя Лучко знал, что, несмотря на всю свою брехливость и напускную злобу, дворняга по кличке Сися вполне безобидна, он все же решил по обыкновению задобрить ее суповым набором, заранее приобретенным в соседнем магазине. Разумеется, не из боязни, а из симпатии – Сися была для него таким живым уголком в печальном царстве мертвых.

Опрокинув собаку на спину и почесав с минуту мягкое шелковистое пузо, вот-вот готовое разрешиться очередной партией щенков, капитан направился в кабинет судмедэксперта.

– Здорово, Семеныч!

Семенов был явно не в духе.

– Что-то ты раздобрел, – вместо приветствия пробурчал он, придирчиво оглядывая талию капитана.

– Жена, понимаешь ли, чуток перекормила, – начал было оправдываться следователь, похлопывая себя по животу.

– Жена, говоришь? – с сомнением переспросил судмедэксперт, разглядев упаковку леденцов сквозь полупрозрачный карман летней рубашки капитана.

– Угу. Сам знаешь, путь к сердцу мужчины...

– Вообще-то кратчайший путь к сердцу мужчины лежит через шестое межреберье слева по среднеключичной линии... – заворчал себе под нос Семенов, направляясь к столу, на котором лежало тело Рамона Гонсалеса.

– Ну, что скажешь? – спросил Лучко.

– Скажу, что иначе как зверским это убийство не назовешь. – Семенов покачал головой, по обыкновению окутанной клубами сигаретного дыма. – От правой половины лица, считай, вообще ничего не осталось.

– А чем это его так?

– Обычным утюгом. Местами даже отверстия для отпаривания отпечатались. Прямо как в девяностые. Жуть.

– Но Гонсалес же должен был орать как резаный, а соседи ничего такого не слышали. Судмедэксперт снова жадно затынул.

– Они пытались. Но, судя по частицам льна во рту и следам каучука вокруг губ, рот сначала заткнули тряпкой, а потом для верности залепили клейкой лентой. Так что не особо докричишься.

– А что скажешь про левую сторону лица?

– Слева ожогов нет.

– Сам вижу. А это что?

– Следы от удара локтем.

– Локтем? Уверен?

– Витя, я, между прочим, когда-то подрабатывал врачом на боях без правил. Не раз и не два такие рассечения видел.

– Ясно. А причина смерти?

– Смерть наступила от болевого шока.

- Беднягу пытали?
 - По полной программе.
 - А убивать, значит, его эти садисты не хотели?
 - Про это тебе лучше у них самих поинтересоваться. А я всего лишь предполагаю, что, прежде чем убить Гонсалеса, кто-то очень хотел его о чем-то расспросить.
 - Эх, еще бы знать о чем.
- Вздыхнув, Лучко вяло пожал Семенову руку и поспешил из морга на свежий воздух, энергично отмахиваясь от поставленной судмедэкспертом дымовой завесы.

* * *

После морга Лучко отправился на встречу с экспертом-криминалистом. Всю дорогу капитан чертыхался про себя.

Угораздило же этого Гонсалеса поменять гражданство, а потом умереть такой жуткой смертью и не где-нибудь, а в Москве. Теперь Дед не только обязал капитана «лично разгрести это дерьмо», но и отвел на все про все ровно неделю. А значит, нужно спешить. Нагоняй от Деда это вам не просто нагоняй. Генерал, если захочет, всю душу вынет.

Теперь надо как можно быстрее понять, с какой целью убитый приехал в Москву, с кем созванивался, с кем встречался. Человека замучили насмерть, пытаюсь выбить какую-то важную информацию. Преступники хотели выяснить, где ценности? Какие? Ведь никто до сих пор не знает, что именно пропало. Впрочем, уже послезавтра из Испании прилетит вдова Гонсалеса. Возможно, она что-то прояснит.

* * *

Расторгуев уже ждал Лучко в своем кабинете. Он тут же стал зачитывать результаты графологической экспертизы.

– Степень выработанности надписи средняя, с выраженными признаками расстроенной координации движений, что проявляется в угловатости дуговых и овальных элементов, неустойчивости размера, наклона и размещения букв и штрихов. Перечисленные признаки могут свидетельствовать о выполнении надписи под влиянием каких-то отягчающих факторов – неудобная поза исполнителя, необычное состояние и все такое. Что же касается сравнения с почерком предполагаемого исполнителя, то...

– А попроще не можешь? – перебил эксперта капитан.

Расторгуев отложил заключение в сторону.

– Короче, так. Надпись на столе сделана Гонсалесом. Это его почерк, хотя и несколько искаженный. Думаю, из-за стресса.

Эксперт был таким картавым, что капитану временами стоило немало труда понимать все, что тот говорит. Не будучи полностью уверенным в правильности расшифровки слова «здгесс», Лучко на всякий случай переспросил:

– Значит, из-за стресса?

– Ну да.

– А что означает сама надпись?

– Что касается смысла, то опрошенные нами лингвисты считают, что *alucinac* – это начало испанского слова *alucina-ciõnõ* – «галлюцинация».

– Получается, что Гонсалес успел накарябать что-то вроде «галлюцинац»? Ну и что он хотел этим сказать? Думаешь, испанец накануне смерти обдолбался какой-то дурью?

– А это уже вопрос к Семенычу, а не ко мне, – ответил Расторгуев и поправил очки, сползающие с переносицы под тяжестью толстенных линз.

* * *

Прислушавшись к совету Расторгуева, Лучко попросил Семеныча еще раз проверить образцы крови и тканей, взятые у Гонсалеса, – может, тот был наркоманом? Или жертву одурманили? Кроме того, капитан распорядился запросить, лечился ли Гонсалес в Москве, и если да, то какие препараты принимал.

Мысли Лучко вновь вернулись к загадочной надписи. Да, убитый, ясное дело, владел испанским. Но кому предназначалось это его предсмертное послание? Жене? Однако, судя по документам, она русская. Чертовщина какая-то! Что же все-таки стоит за этой «галлюцинацией»?

* * *

Ближе к вечеру на рабочий стол капитана легла распечатка звонков, сделанных с домашнего телефона Гонсалеса. Их было совсем немного: два звонка на один и тот же номер в Мадриде и несколько звонков по Москве.

Лучко пробежал глазами список. Его внимание привлек городской номер, звонок на который был сделан за полтора часа до предположительного момента смерти Гонсалеса. Примерно в это же время его сосед услышал за стеной громкий треск – скорее всего, это преступники взламывали дверь. Капитан нахмурился и еще раз пристально взгляделся в цифры.

Постучавшись, в кабинет вошел дежурный – он доставил ответ на запрос, посланный в Испанию. Лучко пробежал текст глазами и хмыкнул. Из сообщения следовало, что убитый в Москве Рамон Гонсалес буквально за сутки до своей смерти был объявлен в розыск испанской полицией.

Глава 3

Кое-что о трюфелях

Нет ничего лучше студенческих каникул, особенно если ты преподаватель. Можно позабыть о царящих на кафедре истории Древнего мира склоках, вдоволь выспаться, в охотку почитать что-нибудь совсем ерундовое и наконец-то залпом просмотреть всю стопку DVD, впрок накопленных за последний семестр. Кайф, одним словом.

А еще можно чуть свет махнуть за город по грибы. Как истинный гурман, Глеб Стольцев обожал трюфели. И в духе древних нисколько не сомневался в их сверхъестественной природе. Неспроста же Плутарх полагал, что трюфели рождаются от молнии, Ювенал в этом смысле грешил на гром, Цицерон называл их «детьми Земли», а Порфирий – порождением богов. Да и Плиний Старший тоже считал чистой воды чудом этот «земляной фрукт, который произрастает, но не может быть посеян».

Конечно, подмосковный трюфель вкусом не сравнится с бургундским, но тоже довольно вкусная штука. Вся беда в том, что растут трюфели под землей и, если вы не обладаете собачьим обонянием, отыскать их можно либо случайно, либо по косвенным признакам. К примеру, на местоположение трюфельника могут указать роящиеся над ним пестрокрылки. Зная об этом, Глеб полдня внимательно наблюдал за снующими туда-сюда мухами, но тщетно. А жаль, ведь прежде, чем спозаранку выйти из дома, он заранее вытащил из морозилки телятину и сделал это неспроста. Концепция будущего обеда сложилась, можно сказать, на стыке дисциплин – высокой кухни и высокой поэзии и была навеяна аппетитными строчками из «Евгения Онегина»:

Пред ним roast-beef окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет...

Будучи закоренелым итальянофилом, Глеб слегка попенял классику на кулинарные предпочтения – в конце концов пьемонтские трюфели ничем не хуже бургундских – но в итоге великодушно простил «нашему всё» его грибную предвзятость.

И вот уже шесть часов кряду он внимательно присматривался ко всяким холмикам, рылся в подлеске и бдительно следил за подозрительным гнусом.

«Чтобы найти трюфель, нужно уподобиться свинье», – когда-то наставлял Стольцева его коллега профессор Буре, также страстно обожавший грибную охоту. Оглядев свою замызганную обувь и одежду, Глеб с усмешкой подумал, что по крайней мере внешне уже вполне созрел для ценной находки, но, увы, ни один царь-гриб ему так и не попался.

К счастью, он догадался прихватить с собой фотокамеру и теперь все равно вернется домой не с пустыми руками, а с кучей снимков, на которых во всех деталях будут запечатлены причудливые ландшафты древесной коры, разнообразие мха, тычинки полевых цветов и жанровые сценки из жизни насекомых.

Нащелкав добрую сотню кадров, Глеб отправился домой. Всю обратную дорогу, наплевав на отсутствие гарнира, он, сглатывая слюни, предвкушал «roast-beef окровавленный» и бутылку вина.

Глеб уже открывал входную дверь, когда зазвонил мобильный.

– Здорово, экстрасенс! – рявкнул телефон голосом Лучко.

Испытав легкую тревогу, – следовательно никогда не звонил ему просто так – Глеб, секунду поразмышляв, тоже подобрал нетрадиционное приветствие:

– Здорово, ментяра!

– Вижу, не забыл, – хмыкнув, констатировал капитан и сразу перешел к сути. – Тут мне поручили одно дельце, без твоей помощи не разобраться. Надо бы пересечься. Давай через час на «Пушке». Хор?

– Старик, я только вернулся домой. Сорвался в лес ни свет ни заря. Не жрамши, не спамши, понимаешь. Давай лучше завтра с утра, а?

– Очень нужно, – твердо настоял на своем Лучко.

– Ладно-ладно, – буркнул Глеб. – Уже еду. Дай мне полчаса и еще столько же на дорогу. Он с сожалением взглянул на телятину. Нет, «пушкинский» обед ему сегодня не светит.

* * *

Капитан выбрал кафе, где, по его словам, давали «во-о-от такие бисквиты с вишней». Выпечка вкусом и размером вполне соответствовала этому заявлению.

Заинтригованный Глеб хотел поскорее понять, в чем причина настойчивости следователя.

– Ну, выкладывай.

Отхлебнув горячего кофе и отведав пирога, Лучко с видимым сожалением оторвался от сладкого.

– Хотел навести справки о твоём коллеге Рамоне Гонсалесе. Ты с ним встречался?

– Да, мы были знакомы.

– Близко?

– Общались когда-то. Но потом наши пути разошлись.

– Ясно. А когда вы виделись в последний раз?

– Лет десять назад, а то и больше.

– Ты уверен?

– Абсолютно. А почему ты об этом спрашиваешь?

Лучко отставил чашку в сторону и внимательно посмотрел Глебу в глаза.

– Потому, что Рамон Гонсалес звонил тебе на мобильный позавчера около полуночи.

Примерно за полтора часа до своей смерти.

– Что? Рамон умер?

– Его убили.

– Как убили?

– Вот взгляни.

И следователь выложил на стол пару фотографий. В ту же секунду ложка выпала из руки Глеба и со звоном покатила по столу.

– Но кто мог сотворить такое?

– Вот это я и должен понять. Так что ты мне скажешь про звонок?

Капитан выложил на стол распечатку. Стольцев в растерянности вынул из кармана телефон и стал просматривать входящие звонки.

– Да, действительно, вот вызов с неизвестного номера. В ноль часов три минуты двадцать пятого июля. Ах, да. Теперь припоминаю. Точно, телефон звонил после полуночи, но никакого разговора не было. Связь прервалась, а перезванивать я не стал.

– Почему?

– Все-таки первый час ночи, а номер незнакомый.

– Но что Гонсалес от тебя хотел?

– Понятия не имею.

– Ты сказал, что ваши пути разошлись. Что произошло?

– Это долгая и очень давняя история.

– А я никуда не спешу.

Как бы в подтверждение своих слов следователь неторопливо отковырнул от пирога вишенку и отправил себе в рот. Глеб вздохнул и отвел глаза.

– Ну, если коротко, размолвкой мы обязаны одной женщине.

– И как давно это было?

– Мне тогда было двадцать три, а Гонсалесу, как сейчас помню, тридцать семь. И он казался мне глубоким стариком, не имеющим никаких шансов.

– Стало быть, лет пятнадцать назад?

– Где-то так.

– Как я понимаю, та женщина выбрала его, а не тебя?

– Ты все правильно понимаешь, – улыбнувшись, ответил Глеб, хотя капитану его улыбка показалась вымученной.

– И с тех пор никаких контактов?

– Мы лишь пару раз пересекались на работе.

– А скажи на милость, откуда Гонсалесу был известен твой номер?

– Я полагаю, он мог раздобыть его на кафедре.

– Ну да, ну да, – согласился следователь. – И зачем Гонсалес мог звонить тебе в день убийства, ты не знаешь?

Глеб покачал головой. Капитан доел последний кусок пирога и бережно собрал оставшиеся на блюде крошки.

– Тебе придется помочь мне в расследовании. Сам понимаешь, это и в твоих интересах тоже.

– Ты что, меня подозреваешь? – подскочив, спросил Глеб.

– Я-то нет. Но желающие найдутся. Так ты поможешь?

– Да куда я теперь денусь. К тому же на дворе каникулы, свободного времени полно. В общем, можешь мною располагать.

– Вот и славно. Завтра прилетает вдова Гонсалеса. Я собираюсь вместе с ней еще раз осмотреть квартиру. Приглашаю и тебя.

– Вдова Гонсалеса? – с какой-то странной интонацией переспросил Глеб. – Хорошо. Я обязательно буду.

* * *

После встречи со Стольцевым следователь вернулся в управление. Он так и не получил вразумительного ответа на вопрос, почему Гонсалес в критический момент, когда бандиты взламывали дверь, вместо того чтобы позвонить по «02» и просить о помощи, набрал номер Стольцева. И это после того, как он увел у Глеба любимую, и после стольких лет разлуки. А Стольцев часом не врет? Как ни противно подозревать его, но по долгу службы придется все досконально проверить.

На рабочем столе капитана уже ожидало заключение Семенова, согласно которому Гонсалес не находился под воздействием наркотических веществ в день смерти. В крови жертвы были найдены лишь следы диазепама – распространенного седативного препарата.

Капитан почесал в затылке. А снотворное не могло вызвать ту самую «галлюцинацию», которую имел в виду Гонсалес, выцарапывая надпись на столе? Нет, тут надо разобраться поподробнее.

Следователь набрал номер судмедэксперта.

– Семеныч, а ты уверен, что Гонсалес не ширялся?

– Вполне. Похоже, он всего лишь принял изрядную дозу валиума.

– А откуда известно, что именно валиум? В заключении сказано про... э-э... диазепам.

– Во-первых, это всего лишь название рабочего вещества, а во-вторых, я поднял список лекарств, найденных в аптечке Гонсалеса. Там был валиум.

– Так у нашего парня шалили нервишки?

– И сильно.

– Что ты хочешь сказать?

– Сдается мне, – судя по возникшей паузе, Семеныч раскуривал очередную сигарету от предыдущей, – что этот твой испанец изрядно психовал в тот вечер.

Следователь задумчиво погладил тройной шрам под глазом.

– Думаешь, догадывался, что к нему могут нагрянуть непрошенные гости?

– Не исключено. Может, что-то почувствовал или заметил. Мужик, как я понимаю, был сообразительный, доктор наук все-таки.

– Ежели он был такой умный, – проворчал Лучко, – с чего бы ему тогда лежать у тебя в морге?

* * *

После ухода Лучко Стольцев, размышляя о разговоре, еще дважды заказывал себе кофе.

Рамон звонил ему позавчера ночью?! После всего, что было между ними? Что он хотел? Уж не собирался ли наконец извиниться? Кто и за что его убил? Негодяи не оставили на Гонсалесе живого места – по словам Лучко, Рамона пытали. Жуть, средневековье какое-то.

И как там теперь она? Странное дело, услышав о смерти Гонсалеса, Глеб первым делом подумал совсем о другом человеке. Фрагменты тщательно и глубоко зарытых в памяти событий пятнадцатилетней давности встали перед его глазами. Воспоминания были не из приятных. Ведь Глеб тогда впервые в жизни узнал, что утверждение «расставание – маленькая смерть» верно только для тех ситуаций, когда все случается по обоюдному согласию. В противном случае эпитет «маленькая» можно смело отбросить.

Глава 4 Вероника

Он обратил внимание на эту глазастую девчонку еще на первом курсе, но долго стеснялся подойти и куда-нибудь пригласить. При всей мягкости черт и никогда не сходящей с губ улыбки было в Веронике что-то неприступное. Она и притягивала, и внушала трепет. Как омываемая грозным океанским прибоем красота прибрежных скал, что так и манит к себе потерявшего осторожность яхтсмена. Подойдешь поближе и можешь потом сильно пожалеть.

Все вышло само собой во время летней практики. Солнце, море, южные звезды и крымские вина кого угодно настроят на лирический лад. Их разговоры становились все дольше, взгляды – все жарче. А настоящий роман закрутился сразу после возвращения в Москву. Оба нырнули в него с головой. К моменту выпуска они уже давно жили вместе и на годы вперед строили радужные планы что в науке, что в любви. И эти планы вполне могли бы сбыться, если бы не проклятая аспирантура.

Вот тогда-то в их жизни и появился Рамон Гонсалес. Он стал научным консультантом Вероники. Лицом смахивающий на Хавьера Бардема, Рамон Хуанович пачками пленял студентов и аспиранток, единодушно признававших его заслуженным секс-символом истфака.

Много позже, исколесив Иберийский полуостров вдоль и поперек, Глеб сообразил, что каждый второй испанец с трехдневной щетиной выглядел бы в глазах пылких москвичек законченным мачо. Но все это было потом, а тогда он, помнится, не особенно насторожился. В конце концов, какие-то там девчонки – это одно, а Вероника – совсем другое дело. Глеба не насторожили ни восторженные рассказы подруги о многочисленных достоинствах научного консультанта, ни ее поздние возвращения, ни чьи-то назойливые звонки и молчание в телефонной трубке. Он так ничего и не понял до того самого дня, когда Вероника спокойным тоном давно принятого решения объявила: «Я его люблю!»

В последнюю проведенную вместе ночь они, обнявшись, но не раздеваясь, лежали рядом и, то плача, то хохоча, вспоминали самые счастливые минуты любви, столь внезапно утраченной в одностороннем порядке. А через год Глеб встретил свою будущую бывшую жену, и вскоре у него родилась Ксюха, живущая теперь за тридевять земель с мамой и отчимом.

Что до Гонсалеса, то их пути с тех давних пор несколько раз пересекались. Однако после того, как Вероника ушла к Рамону, мужчины за все это время не обмолвились ни словом. Ни при встрече, ни по телефону. И вот на тебе.

* * *

От капитана не укрылось ни легкое замешательство, которое испытали при встрече Глеб Стольцев и Вероника Гонсалес, ни их фамильярное приветствие на «ты». Значит, это она когда-то разбила сердце Глеба?

Лучко с интересом оглядел вдову. Намного моложе мужа, на вид от силы лет тридцать-тридцать пять. Чертовски хороша – стройная фигура, привлекательное лицо, с каким-то очень редким разрезом глаз. При абсолютно европеоидных чертах глаза казались чуть раскосыми. Несоразмерно большие, они будто были позаимствованы у какого-то куда более крупного человека, но общего впечатления отнюдь не портили. Скорее наоборот. Капитан очень скоро поймал себя на том, что совершенно заворожен магией этого необычного взгляда. Он украдкой посмотрел на Стольцев а. Да, Глеба можно понять. Упустить такую бабу!

Следователь снова заглянул в огромные глаза Вероники Гонсалес. Ни слезинки. Странно, однако.

Первым делом капитан попросил вдову проверить, не пропало ли что-нибудь. Пока Вероника обходила комнаты, Глеб с любопытством ходил за ней следом, осматривая интерьеры. К его удивлению, мебель оказалась довольно старой и сильно изношенной. Будто отвечая на немой вопрос Глеба, Вероника пояснила:

– Здесь жили родители Рамона. После их смерти он не захотел ничего менять.

– Тогда понятно. А то я было подумал...

– Что это мой дом? Ну ты даешь. У нас прекрасное жилье в Мадриде – один балкон тридцать метров.

Последняя информация показалась Глебу несколько избыточной. Он внимательно взглянул на Веронику. Та, не выдержав взгляда, стала копаться в ящиках потрепанного комода. Чтобы не мешать, Глеб вернулся в прихожую, где на стуле примостился Лучко.

– Гляди, живопись, – показав на стену, с благоговением произнес капитан, игриво поставив ударение на последний слог.

Посмотрев туда, куда указывала рука капитана, Глеб усмехнулся:

– Если бы у Гонсалеса были деньги на подобную живопись, он бы останавливался не в этой квартирке, а в особняке, где-нибудь на Остоженке.

– А что так?

– Это репродукция картины Эль Греко «Толедо в грозу». Вместе со «Звездной ночью» Ван Гога полотно считается одним из самых известных изображений неба в мировом искусстве. Такую картинку в оригинале может себе позволить разве что Билл Гейтс или Борис Абрамович. Да и то при условии, что Нью-Йоркский Метрополитан пожелает ее продать, в чем я сильно сомневаюсь.

– Вот, значит, как?

Встав со стула, Лучко принялся с интересом разглядывать репродукцию. Его встречу с прекрасным прервал голос Вероники:

– Похоже, всё на месте.

– Подумайте хорошенько.

– Нет, я все проверила. Да и не хранили мы тут ничего.

– Вы уверены, что в квартире не было ценностей? Преступники перерыли тут все вверх дном. А кроме того, у вашего мужа пытались вырвать какое-то признание.

– Вы хотите сказать, что Рамона пытали? – с ужасом спросила Вероника.

Капитан деловито кивнул. В тот же миг Вероника Гонсалес лишилась чувств.

С укоризной посмотрев на следователя, Глеб поднял Веронику на руки и бережно уложил на кровать в спальне. Давненько он не носил ее на руках.

Не успела Вероника прийти в себя, как Лучко огорошил ее еще раз:

– Вы знаете о том, что вашего мужа разыскивала испанская полиция?

– Полиция? Но за что?

– А вот этого нам испанские власти пока не сообщили.

Вероника помотала головой, будто желая прервать кошмарный сон.

– Но как могло получиться, что вы не в курсе событий? – удивленно спросил Лучко.

– Дело в том, что в последнее время мы с мужем жили порознь. Я – в Мадриде, он – в Толедо.

– И как давно?

– Мы расстались около года назад.

– Развелись?

– Нет, для начала разъехались. Но договорились о разводе. Однако ни у Рамона, ни у меня не было времени заняться формальностями.

Удовлетворившись этой информацией, Лучко подвел Веронику к письменному столу и указал на таинственную надпись.

– Что это, по-вашему, может значить?

– Понятия не имею. Вы полагаете, это написал мой муж?

– Таково заключение экспертов.

Вероника склонилась над столом.

– Белиберда какая-то.

– Но если эта надпись адресована не вам, то кому же?

– Да откуда ж я знаю?

Лучко повернулся к Стольцеву:

– Не хочешь «наложить руки»?

– Прямо сейчас?

– Ага.

– А может, пожалеем нервы Вероники?

– Не преувеличивай. – Капитан хлопнул Глеба по плечу. – Ну что такого ужасного она может увидеть?

Вероника в недоумении переводила взгляд с одного участника этого странного диалога на другого. Лучко галантно предложил даме стул и, потеряв ладони, словно режиссер, подал сигнал к началу представления:

– Занавес!

Глеб глубоко вздохнул, подсел к столу и закрыл глаза. Какое-то время он оставался абсолютно неподвижным, затем, подавшись вперед, положил руки на выцарапанные буквы.

Ощущения, предшествующие видению, и впрямь чем-то походили на начало театрального спектакля, когда свет в зале гаснет не сразу, а постепенно, плавно погружая зрителя в атмосферу пьесы и темноту сцены, на которой уже появились первые актеры.

* * *

Он увидел, что сидит за столом и что-то пишет, время от времени задумчиво вставляя в уголок рта тыльный конец авторучки. Внезапно раздался резкий металлический звук, который заставил его вздрогнуть и похолодеть. Что это? Похоже, кто-то копается в замке входной двери.

Глеб поднял глаза на висящую на стене полку с множеством мелких статуэток, затем его взгляд снова вернулся к столу. Резким движением сбросив все на пол, он схватил нож для бумаг и дрожащей рукой принялся выцарапывать буквы на полированной поверхности. Дописать, однако, ему не дали.

Послышался треск взломанной двери. Глеб отбросил нож, схватил лежащий на столе листок бумаги с цифрами, снял телефонную трубку и набрал номер. В трубке послышались гудки. В ту же секунду за дверью раздалось чьи-то тяжелые шаги. Наконец, на другом конце ответили. Глеб узнал свой собственный голос:

– Алло!

Не сказав ни слова, он нажал на кнопку «отбой». Потом потянулся к полке и снял оттуда одну из статуэток. В тот же миг дверь с треском распахнулась. Глеб увидел крепко сбитого человека, который знаком показал невидимому напарнику, что нашел хозяина. Затем, посмотрев куда-то вбок и подав еще пару знаков, человек вошел в комнату. Наконец в дверном проеме показалась вторая фигура, еще выше ростом и массивнее.

Судя по манере держаться, вошедший был за главаря. Глеб успел рассмотреть его лицо.

Внезапно здоровяк в два прыжка покрыл расстояние от двери до стола и коротко размахнулся. Наступила темнота.

* * *

Придя в себя, Глеб откинулся на спинку и потер челюсть, все еще нывшую после удара. Оглядевшись, он поймал на себе взгляд Вероники. И это не был взгляд восторга, которым зрительницы провожают фигуриста, исполнившего четверной тулуп. Нет, скорее так смотрят на безногого алкаша, что, нацепив камуфляжную форму с чужого плеча, просит милостыню в подземном переходе.

– Не томи, – не выдержал Лучко. – Что видел-то?

– Может, я лучше тебе потом отдельно расскажу?

– Я тоже хочу знать, – твердо сказала Вероника и стиснула побелевшие пальцы.

– Да ты не напрягайся так, никаких пыток я не увидел, – поспешил успокоить ее Глеб. –

Вошли двое, один из них подбежал и...

– И что?

– И ударил Рамона.

Лицо Вероники стало таким же белым, как пальцы. Глеб бросился на кухню за стаканом воды. Вероника жадно выпила его большими глотками.

– Мне надо полежать, – прошептала она и, поеживаясь будто от холода, пошла в спальню.

Глеб тем временем пересказал подробности видения капитану. Лучко подсел поближе и достал блокнот.

– Мужиков-то разглядел?

– Одного да.

– Вот и хорошо.

– И кстати, скажи своим ребятам, пальчики искать бесполезно – налетчики были в перчатках.

– Спасибо, будем знать. Ты еще говорил, эти люди подавали какие-то знаки. Думаешь, не хотели шуметь?

– Наверное.

– А что за знаки-то?

– Один жест понятен, что-то вроде «смотри в оба».

– А можешь показать, как это выглядит?

– Ну, примерно вот так.

Растопырив средний и указательный пальцы, Глеб сначала направил их себе в глаза, а затем двинул в противоположную сторону.

– С этим ясно. А еще?

– А второй знак смахивает на то, что показывает судья в хоккее, когда объявляет тайм-аут.

Глеб поставил одну ладонь горизонтально, а другую – вертикально и ударил ими друг о друга, образовав что-то вроде буквы «т».

– Хм, очень интересно. А фоторобот мужика составить сможешь?

– Не вопрос.

– Тогда поехали.

– Дай мне минуту попрощаться.

– Ладно. Буду ждать тебя в машине. Только недолго.

Постучав, Глеб вошел в спальню. Вероника, лежа на кровати, пустыми глазами смотрела в потолок. Он рассказал ей о видении почти все то же, что уже сообщил Лучко, за исключением пары вредных для ее нервной системы деталей.

– Никогда не думала, что встречу с тобой при таких обстоятельствах, – тихо сказала она.

– А я вообще не думал, что когда-нибудь встречу тебя снова. Но уж если так случилось, то...

– То что?

– То я бы хотел поговорить.

– О прошлом?

– Что было, то было.

– Ты хочешь сказать, что простил меня?

– Какое это теперь имеет значение? Давай просто поговорим. Например, я могу заехать завтра. Тебе удобно?

– Заезжай.

– Тогда до завтра.

– Так ты простил меня?

Глеб долгим взглядом обвел лежащую на кровати женщину и понял, что не знает точного ответа.

– Извини, меня ждут.

* * *

Вероника осталась лежать в темноте, не в силах пошевелиться. Конечно, по уму ей бы лучше пожить у мамы, но только не сегодня. Она слишком разбита, чтобы куда-то ехать, так что сегодняшнюю ночь придется провести здесь, на этой кровати, где они еще совсем недавно спали с Рамоном бок о бок и где много лет назад когда-то впервые задумались о переезде в новую страну.

Странная штука жизнь. Не поменяй они место жительства, Рамон, скорее всего, был бы сейчас жив и здоров. Эх, если бы можно было вернуть прошлое и все исправить. Хотя, кто знает, насколько далеко пришлось бы для этого возвращаться. На год назад, когда она узнала об измене? На десять лет, когда они приняли решение перебраться за Пиренеи? Или на все пятнадцать, когда она оставила одного мужчину ради другого?

Выбор, выбор. Вся наша жизнь – сплошной выбор. И вся разница между неудачником и счастливым сводится к правильности однажды принятого решения. До прошлого года она была вполне уверена, что не ошиблась, а потом приключилась та дурацкая история.

Помнится, Рамон как-то ближе к выходным, когда обычно случался всплеск их сексуальной активности, дурашливым голосом сообщил:

– Дорогая, плотские утехы отменяются – я получил... э-э... производственную травму.

– А что случилось?

– Были в «поле», я поскользнулся на камне и грохнулся так, что чуть не отбил себе все мужские причиндалы.

– Какой ужас! Когда? Почему сразу не позвонил?

– Не хотел беспокоить.

– Ну хоть врачу-то показался?

– В том-то и дело.

– Что-нибудь серьезное? – переполошилась Вероника.

– Да ну, пустяки, – отмахнулся Рамон. – Небольшая царапина на одном месте.

– Это на каком?

– На главном, – рассмеявшись, ответил Рамон и поцеловал ее. Инцидент можно было посчитать исчерпанным. Потом, уже ближе к ночи, ложась в постель, Вероника из любопыт-

ства попросила мужа показать ей «производственную травму». Никогда не стеснявшийся своего тела Рамон неожиданно заартачился. Обеспокоенная Вероника настояла на своем.

– Да на, смотри, – разозлился Рамон и нехотя продемонстрировал свое «ранение».

К ужасу Вероники, приличный кусок кожи на тыльной стороне «главного места» оказался оторванным. Из образовавшейся ранки сочилась кровь.

– Боже, как такое могло случиться?

– Говорю же, поскользнулся, – огрызнулся Рамон.

На следующий день встревоженная Вероника забежала в гости к знакомой, тоже приехавшей из России, врачу-урологу по образованию, нынче трудившейся медсестрой, и рассказала ей про происшествие с мужем. Та сначала расхохоталась до слез, а потом объяснила доверчивой Веронике, что порвавшаяся часть мужской анатомии называется уздечкой и что травмировать ее можно одним-единственным способом – пытаться засунуть, куда не надо.

Вернувшись домой, Вероника закатила истерику. Рамон поначалу держался как партизан, но потом, уже к утру, изнуренный многочасовой ссорой, психанул и признался, что изменял. И даже не один раз.

Память Вероники потом не раз возвращалась к этому моменту. Не скажи тогда правду ее муж, она бы наверняка дала себя уговорить, и та ее прошлая жизнь продолжилась бы как ни в чем не бывало. Ни болезненного разрыва, ни слез, ни первых седых волос.

Но все вышло, как вышло, и Рамон признался. Почему? Скорее всего, он и сам устал от вранья. А может, потому, что уже давно разлюбил ее?

Вероника перевернулась на живот и, готовая вот-вот расплакаться, уткнулась лицом в подушку.

* * *

Составив фоторобот и отпустив Стольцева домой, Лучко принялся листать свой блокнот, размышляя над видением Глеба. Никаких сомнений в его рассказе у капитана не было, не в первый раз вместе работают.

Значит, убийцы Гонсалеса обменивались знаками? В целом это отдаленно смахивает на сигналы, которые подают друг другу хорошо обученные бойцы во время скрытного продвижения по территории противника. Что-то вроде «Наблюдай!» и «Стой!».

Лучко тут же вспомнил рассечения, оставшиеся на лице Гонсалеса от ударов локтем. Хм, испанца завалили профессионалы? Но штука в том, что капитан – и сам бывший спецназовец – никогда не встречал подобных жестов. То, чему их обучали, совсем непохоже на описание Глеба.

И наконец, самое главное. Ну какое, черт возьми, отношение ко всему этому имеет глиняная корова, которую Гонсалес, по словам Стольцева, снял с полки за секунду до того, как в комнату ворвались его убийцы?

Глава 5

Страстной бульвар

Они договорились встретиться на Страдном и пройтись туда-сюда по Бульварному кольцу от Тверской до Арбата. Маршрут был выбран не случайно – когда-то Глеб и Вероника рука об руку вдоль и поперек исходили эти места, знали каждый двор, каждый переулок.

С трудом отбросив нахлынувшие воспоминания, Глеб спросил:

– А что заставило тебя расстаться с Рамоном?

– Жизнь.

– И кто же стал инициатором?

– Мне кажется, это очень личный вопрос. Какое тебе дело?

– Любопытно, только и всего.

– Вообще-то разбежаться предложила я.

– Но почему?

Вероника грустно усмехнулась:

– Ну, ты же лучше меня знаешь, что у археологов, как у моряков, – по невесте на каждом раскопе. В общем, в какой-то момент я устала.

– Значит, Рамоша до самых сединок все так и не угомонился?

– Не-а.

– А как он себя вел в последнее время? Ты не заметила никаких странностей?

Она заглянула ему в глаза.

– Ты что, допрашиваешь меня?

– Бог с тобой!

– Да в том-то и дело, что не было ничего необычного. Когда Рамон в последний раз заезжал нас проведать, он был в прекрасном настроении. Все время шутил, дурачился.

– Ты сказала «нас»?

– Да, нас с сыном.

– У тебя есть сын? – Глеб невольно остановился.

– А что тебя так удивляет? Разве ты не в курсе, что женщины иногда рожают?

– Но ты, помнится, категорически не хотела...

– Ну ты даешь. Это когда было-то?

– Твоя правда. Ладно, давай-ка сменим тему. После всего, что случилось, ты не думаешь вернуться?

– Издеваешься? Рамон вот вернулся на неделю – и что? Нет, я в эту клоаку больше ни ногой.

Глеб дружески подтолкнул Веронику в плечо.

– Да брось. Разве ты не находишь, что Родина порядком похорошела со времени твоего отъезда? Оглянись по сторонам.

Затем он задал вопрос, который уже давно вертелся у него на языке:

– Зачем Рамон мне звонил?

– Может быть, искал помощи?

– От меня? После всего, что случилось?

– Послушай, ты можешь хоть на время забыть о том, что мы когда-то расстались из-за Рамона?

– Ты хочешь честного ответа?

Вероника порывисто схватила Глеба за руку.

– Ради всего того, что было между нами!

Он отвел глаза. Вероника еще сильнее вцепилась в его запястье.

– Пожалуйста!

С трудом высвободив ладонь, Глеб нехотя согласился:

– Хорошо, хорошо.

Внезапно откуда-то из сумочки Вероники послышался слащавый мужской голос, нежно выводящий *Besame, besame mucho* – это звонил мобильный.

«Бьюсь об заклад, мелодию звонка выбирал еще Рамон, это вполне в его духе», – подумал Глеб.

Вероника вынула телефон из сумочки, но, ткнув пальцем куда-то не туда, сбросила звонок.

– Купила новый телефон перед самым отъездом, все никак не привыкну, – пожаловалась она.

М-да, похоже, Рамон тут ни при чем.

– Через два дня похороны, – печально сообщила Вероника. – Придешь?

– Да, конечно. И вообще, если нужно чем-то помочь...

Она покачала головой и отвернула лицо, чтобы скрыть набежавшую слезу, однако быстро взяла себя в руки.

– Знаешь, мне, по правде, и самой совершенно непонятно, почему Рамон позвонил именно тебе?

– А я тебе о чем толкую? В Москве миллионы телефонных номеров, а он набрал мой.

– Вот в этом-то нам с тобой и предстоит разобраться. – В голосе Вероники не чувствовалось и следа недавней слабости. Она выглядела спокойной и сосредоточенной. – Рамон явно хотел, чтобы ты ему помог, так? Теперь его больше нет. Но ты же можешь помочь мне.

– В чем?

– Я хочу знать, кто и за что лишил моего сына отца.

– Но каким образом я могу быть тебе полезен?

– Ой-ой, не скромничай. Я уже поняла, что ты регулярно оказываешь помощь вашим силовикам. Но откуда у тебя, скажи на милость, эти способности? Раньше я ничего такого за тобой не замечала.

Глебу ничего не оставалось, как рассказать о давнишнем происшествии, травме головы и ее чудесных последствиях.

Вероника отреагировала фразой, прозвучавшей по-русски довольно коряво:

– Это больше чем гениально!

Непривычное сочетание слов резануло слух. Господи, да она стала говорить на родном языке как иностранка!

– Значит, ты теперь запросто видишь всех и вся насквозь? – спросила Вероника с легким смешком.

– Ну, во-первых, не всех и не вся, а только те предметы и тех людей, с которыми вступаю в непосредственный контакт. Во-вторых, этот контакт должен быть достаточно продолжительным, чтобы я успел сосредоточиться. В-третьих, это получается отнюдь не запросто – видения даются мне с трудом, и чем дальше, тем больше. Кроме того, «третий глаз» открывается не всегда. Временами как ни тужься, а кроме мигрени ничего не добьешься. Так что я стараюсь пользоваться этими способностями лишь в исключительных случаях.

– Например, когда это нужно следствию?

– Например.

– Как интересно. А чем еще ты теперь занимаешься? Ты ведь всегда хотел стать следующим Шлиманом. Наверное, не вылезает из археологических экспедиций, как и мечтал?

– Вовсе нет. Представь, читаю лекции на кафедре истории Древнего мира.

Вероника рассмеялась:

– Невероятно. Ты преподаватель? Ну и как? Уже успел отбить красивую студентку у какого-нибудь несчастного юноши? – шутливо поинтересовалась она.

Шутка вновь навела Глеба на грустные воспоминания, и на дальнейшие расспросы он отвечал сухо и односложно.

Пройдясь еще немного, они расстались на «Пушкинской». Вероника сделала несколько шагов по направлению к метро, потом резко обернулась:

– Знаешь, мне не дает покоя еще одна мысль. Ну почему Рамон, услышав твой голос, так и не попытался ничего сказать?

* * *

Начался час пик и плотно прижал пассажиров метро друг к другу. «Тьфу! Прямо как балтийская килька», – ругалась про себя отвыкшая от московской давки Вероника, продолжая рассеянно провожать взглядом мелькавшие за окном вагона огни. И в самом деле, почему Рамон набрал номер Стольцева, а дозвонившись, не стал говорить? Что он хотел? Может, Глеб чего-то недоговаривает? И почему Рамон не связался с ней? Да, они уже более полугода как разъехались, но по-прежнему оставались мужем и женой. Что еще скрывал от нее Рамон, кроме своих пашней с юными стажерами?

Так и незажившая рана на сердце заныла с новой силой. Вероника тряхнула головой, словно отгоняя неприятные воспоминания.

Если муж знал о какой-то грозящей ему опасности, почему держал ее в неведении? Хотел оградить? От чего? От кого? И что он такого натворил в Испании? Да еще так, что она об этом ни сном ни духом. Впрочем, секреты от жены – это как раз в духе Рамоши.

Она чуть не до крови закусила губу и уткнулась лбом в холодное стекло. Расслабиться все рано не удалось. Теперь перед глазами Вероники снова встала та жуткая сцена в собственной квартире, когда Глеб, наподобие кликуши, погрузился в транс, а потом стал рассказывать о пригрезившихся ему видениях. Рассказывал, надо сказать, складно, будто и впрямь стал очевидцем нападения на Рамона – она слушала и чувствовала, как мурашки ползут по коже. И хотя поначалу ее так и подмывало предложить доморощенному экстрасенсу, а заодно и следователю прекратить весь этот цирк и оставить ее в покое, она все-таки сдержалась. Причиной тому послужила одна деталь, вскользь упомянутая Глебом, а именно то, что Рамон, волнуясь, засовывал ручку себе в рот. Эту дурацкую манеру он приобрел совсем недавно – пару лет назад, бросив курить, стал рефлекторно тянуть в рот все, что хоть чем-то напоминало сигарету. И об этой привычке кроме нее никто не знал.

Выходит, Глеб не блефовал? Он каким-то сверхъестественным образом увидел то, что произошло несколько дней назад? М-да, Глеб Стольцев. Ну кто бы мог подумать, что их пути снова пересекутся, да еще столь неожиданным образом.

Она вспомнила, как почти двадцать лет назад обратила внимание на нового однокурсника. Тот чем-то неуловимо походил на ее доberman – та же нечеловеческая грация, бьющая через край энергия и врожденное чувство собственного достоинства. В общем, типичный чемпион породы.

Не испытывавшая недостатка в мужском внимании Вероника на время позабыла о Глебе, но затем он стал все чаще напоминать о себе – все норовил то сесть поближе, то как бы невзначай помочь с заданием. Стольцев с виду не особо напрягался в учебе, но при этом сдавал все на «пять». Только однажды получил на экзамене четверку – это стало сенсацией на курсе.

Легкость, с которой Глеб покорял академические вершины, конечно, была обманчивой. Помнится, Веронику совершенно поразило, когда она увидела, что Стольцев на лекциях использует им самим придуманную систему ускоренной записи. А еще у Глеба был врож-

денный талант к языкам. К выпускному курсу он уже мог заткнуть за пояс иных преподавателей греческого и латыни и был способен поддержать разговор на четырех живых языках.

Однако оказалось, что учеба учебой, а жизнь жизнью. Это в вузе думают, что тот, кто лучше учится, тот и добьется потом наибольших успехов. В жизни все не так и, как правило, наверх пробиваются те, кто в универе ходил в середнячках. То ли они сэкономили силы, правильнее распределив их по длинной жизненной дистанции, то ли дорога к успеху вымощена вовсе не знаниями, а чем-то совсем другим. Вот так и со Стольцевым. По признанию некоторых преподавателей, он был лучшим студентом за все годы их работы, тем не менее нынче его одногодки уже давно успели сесть в начальственные кресла, а сам Глеб не стал ни завкафом, ни даже доктором наук, хотя вот уж кому раз плюнуть.

Впрочем, какое ей теперь дело до бывшего однокурсника и бывшего возлюбленного? – одернула сама себя Вероника и снова уставилась на мелькающие за стеклом семафоры.

* * *

Поздно вечером, когда глаза Глеба уже стали слипаться, его память снова некстати прокрутила вчерашнее видение. Ну что такого ценного было в той коллекции статуэток, что Гонсалес глаз с нее не сводил, будучи на волосок от смерти? И что он пытался написать на столе? Неужто Рамон и впрямь так обасурманился, что даже в последний миг думал не по-русски? А ведь Вероника говорила, что Гонсалес никогда не был чистым билингвом. Хотя отец с самого раннего детства обучил его испанскому, своим родным языком Рамон считал русский. Не зря же во многих странах родной язык называют «языком матери». А мать Рамона была чисто русской женщиной, и, значит, русский был ему роднее некуда. Так почему свое предсмертное послание он выцарапал по-испански? И кому оно, елки-палки, предназначалось?

Надо сказать, что, при всей неприязни к Рамону Хуановичу, Глеб признавал, что тот был прекрасным историком и блестящим знатоком древних языков. Постой, постой... А что, если это вовсе не испанский?

Глеб снова зажег ночник и раскрыл блокнот, который всегда держал на тумбочке. Он крупными буквами вывел *alucinac*. Поразмышляв несколько мгновений, Глеб развернул лист обратной стороной и поднес к лампе, чтобы разглядеть на просвет.

Кретин! Как же он раньше не сообразил?

Глава 6

Каникула

Жена и дочь еще нежились в своих постелях, когда Лучко заварил себе чаю и отправился в ванную.

Хотя бы раз в неделю он обязательно брился опасной бритвой. Процедура требовала времени и сосредоточенности – как медитация у йогов. Так же как и медитация, бритье старым золингеновским клинком в роговой оправе – капитан предпочитал называть ручку оправой, а не ручкой – тоже приводило к просветлению в мозгах.

Самым сложным местом был глубокий шрам на щеке – воспоминание о второй чеченской. Капитан потуже натянул кожу и провел безупречно оточенным лезвием по щетине. Раздалось приятное шуршание. Лучко очень нравился этот звук, и он слегка усилил нажим – словно подкрутил ручку громкости у проигрывателя.

Насладившись ощущениями, капитан смыл с лица остатки пены и любовно смазал клинок маслом, как казак шашку после боя.

Разломав пару свежих бубликов и тщательно обмакнув кусочки в мед, капитан отхлебнул приторно сладкого чая и с неудовольствием отметил, что сегодня даже золингеновская бритва не навела ожидаемой ясности в голове. По крайней мере в том, что касается дела Гонсалеса. Зачем тот приехал в Москву? Кто знал о его приезде? Что за тайну пытались вырвать у Гонсалеса его убийцы?

Чаепитие прервала вибрация мобильного. Лучко взглянул на экран. Стольцев? В семь тридцать утра? Разве он не в отпуске?

– Я, кажется, разобрался, – с ходу затараторил Глеб.

– В чем?

– Это не корова. Это бык!

Помолчав несколько секунд, капитан осторожно осведомился:

– Как ты себя чувствуешь? Часом не приболел?

Не замечая сарказма, Глеб продолжил с той же скоростью:

– Похоже, Гонсалес пытался написать какую-то фразу бустрофедоном, но его прервали.

– Каким таким еще «быстропи... доном»? – с усмешкой переспросил капитан.

– Бустрофедон – это способ письма, при котором первая строка пишется справа налево, вторая – слева направо, третья – снова справа налево и так далее.

– А при чем здесь бык?

– А при том, что именно таким образом вспахивают поле. Собственно, само название «бустрофедон» составлено из двух греческих слов: «бус», что как раз таки означает «бык», и «стрефо», то есть «поворачиваю». Так в свое время писали хетты, этрусски, греки и некоторые другие народы. Существуют и латинские тексты, записанные таким же манером.

– Подожди, но когда ты рассказывал о своем видении, ты не упомянул о том, что Гонсалес писал буквы задом наперед.

– Нет, он писал обычным образом.

– Ну и при чем здесь тогда твой бустрофедон?

Глеб задумался.

– Мне кажется, не важно, как Гонсалес это написал. Важно, как это следует читать.

– То есть ты хочешь сказать, что Гонсалес нарочно оставил нам статуэтку?

– Ну да. Что-то вроде подсказки.

– А надпись?

– В том-то и дело. Если развернуть текст задом наперед, получается слово *canicula*.

- «Каникула»?
- Это по-латыни. Означает «собачка».
- Какая еще на хрен «собачка»? – вконец опешив, переспросил капитан.
- А вот этого я не знаю.
- Помнится, ты однажды уже доказывал с пеной у рта, что речь идет о латыни, и помнишь, чем все закончилось?
- Ты про монету? Признаю, ошибался. Зато сейчас я почти уверен.
- Допустим. Но что и кому Рамон Гонсалес, по-твоему, пытался сообщить столь экстравагантным способом?
- Понятия не имею.
- А что, если Гонсалес хотел указать на преступника?
- Возможно.
- Дружище, тебе придется помочь мне разобраться в этой чертовщине. Вы, в конце концов, были коллегами, и уж если кто-то и сможет понять ход мыслей Гонсалеса, то только ты.
- Ладно, постараюсь.

* * *

Стольцев и Лучко приехали в квартиру Гонсалесов почти одновременно. Вероника, предупрежденная Глебом о вкусах капитана, приготовила чай и выставила на стол внушительную корзину со сладостями. Следователь одобрительно крякнул и потянулся за пирожными, а Глеб тем временем рассказал о своих предположениях Веронике. Услыхав про «собачку», она спохватилась:

- Постойте, я точно помню, что в кабинете Рамона была статуэтка в виде собаки. Они оставили недопитый чай и прошли в другую комнату.
- Да вот же она. И не одна.

Три пары глаз уставились на полку над столом, заполненную фигурками животных. Собачек оказалось аж три штуки. Вероника одну за другой сняла статуэтки с полки и поставила на стол. Внимание Глеба привлекла копилка из красной глины с прорезью на спине. Он поднес собачку к уху и легонько потряхнул.

- Там что-то есть!

Капитан вопросительно посмотрел на Веронику:

- А что, если мы ее?..

Вероника кивнула. Лучко положил статуэтку на мраморную пепельницу, взял с полки увесистую книгу и ударил. Фигурка с хрустом раскололась. Среди осколков показалось что-то, похожее на сложенную вдвое тряпицу. С позволения следователя Глеб извлек находку из пепельницы и аккуратно развернул.

Все трое с недоумением уставились на потемневший клочок, в центре которого была начертана пятиконечная звезда. Над звездой виднелась надпись: *taro*. Верхний правый угол листка истлел так, что последняя буква едва читалась. Прямо под звездой листок заканчивался неровным, извилистым краем. Глеб провел по нему пальцем:

- Линия разрыва совсем свежая.
- Следователь тоже потрогал срез:
- Согласен, но что это за бумажка?
- Это не бумага, это пергамент, – уточнил Глеб. – И похоже, очень старый.
- А что означает надпись?
- Очевидно, речь идет о картах Таро. Хотя в европейских языках это слово традиционно пишется с «*t*» на конце.

– Ну и куда же подевалась эта «t»?
– Видишь оборванный угол? Возможно, она как раз и была здесь.
– Подождите, но какое отношение все это имеет к смерти Рамона? – вмешалась в разговор Вероника.
– Пока неясно, – пожав плечами, ответил Глеб.
Вероника положила руки на стол и бессильно уткнулась лицом в ладони.
– Думаю, тебе снова придется воспользоваться своим даром, – предложил Лучко.
Вероника подняла голову и встретилась с Глебом глазами.
– Пожалуйста, если тебе не трудно. – Затем она, как во время предыдущего видения, отсела в угол комнаты.
Глеб вяло улыбнулся:
– Всегда пожалуйста.
Он довольно долго сосредоточивался, прежде чем контуры комнаты начали погружаться в темноту.

* * *

Человек, который прятал пергамент в копилку, испытывал явное беспокойство – движения рук были нервными и неуверенными. Даже если бы Глеб не поймал отражение знакомого лица на полированной поверхности стола, он бы все равно с полной уверенностью сказал, что этим человеком был Рамон Гонсалес.

Слегка потеряв концентрацию, Глеб поймал себя на мысли, что ощущает себя мужем Вероники. Чувство было очень странным. Он снова попытался сосредоточиться, но момент был упущен и образ сидящего за столом человека постепенно рассеялся, как облако сигаретного дыма.

Глеб рассказал о том, что видел. Выслушав его, Лучко переспросил:

– Значит, пергамент в копилку засунул сам Гонсалес? Во как!

Вероника всплеснула руками:

– Послушайте, мне хоть кто-нибудь объяснит, ну что такого в этом клочке, что Рамон даже под пыткой не отдал его бандитам?

Глава 7

Старая любовь не ржавеет?

Переулок, где проживало семейство Буре, выглядел тихим и патриархальным, несмотря на близость к Садовому кольцу. Дверь открыл сам профессор. Даже в домашней обстановке он как всегда был сама элегантность: светло-бежевые брюки, кипенно-белая сорочка, голубой жилет и синий в зеленый горох галстук-аскот.

– Борис Михайлович, это вы? – взвизгнула Вероника и повисла у Буре на шее. – Боже, да вы совсем не изменились!

– А вы только еще больше похорошели.

Вероника с укоризной взглянула на Глеба.

– Что ж не предупредил, к кому идем? Я бы прихватила подарок для любимого лектора.

– Лучший подарок – это вы сами, Вероника.

– Надо же, вы помните мое имя? Это через столько-то лет!

– А мне кажется, я поймал вас на экзамене со шпорой только вчера.

Вероника покраснела, а профессор расплылся в довольной улыбке. Затем его лицо снова стало серьезным. Он взял Веронику под руку:

– Прошу, примите мои соболезнования. Глеб уже рассказал нам о том, что произошло. Проходите же, моя дорогая.

Уже в прихожей становилось понятно, что хозяин жилища неспроста является членом бюро международного научного проекта *Corpus Vasorum antiquorum*, то бишь «Корпус античных ваз». В доме едва ли нашлась бы хоть одна горизонтальная поверхность, не занятая разнообразной античной керамикой.

На плотно уставленных стеллажах рядами теснились некогда предназначенные для питьевой воды гидрии, бальза-марионы, еще, казалось, сохранившие едва уловимый запах ароматических эссенций, винные кратеры и киликсы, будто продолжавшие источать алкогольную отдушку, погребальные лекифы, миниатюрные амфориски, огромные пифосы и, разумеется, амфоры на любой вкус.

Глеб лучше кого-либо понимал, что, будь вся эта коллекция на сто процентов аутентичной, ее стоимость исчислялась бы астрономической суммой. Но даже реплики были выполнены с таким ювелирным мастерством, что смотрелись практически неотличимыми от оригиналов. Да и особо присматриваться Глебу никогда не хотелось, дабы ненароком не развенчать столь кропотливо создаваемый Буре миф об абсолютной подлинности его коллекции.

Как бы там ни было, как минимум половина квартиры Буре была отведена под шедевры античных гончаров. Вторую половину просторной трешки украшали изображения античных богов – что-то вроде домашнего ларария.

Дав Веронике время рассмотреть свое уникальное собрание, Буре сложил ладони рупором и направил их в сторону кухонной двери.

– Саша, гости уже пришли, – зычно объявил Борис Михайлович и снова повернулся к Веронике:

– Вы ведь знакомы с моей с женой, не так ли?

Профессор, а с его подачи и студенты не зря звали Александру Петровну Буре Герой. Она была женщиной грозной и величественной, привыкшей держать в строгости что аудиторию, что домашних. Это правило не распространялось лишь на одного только Бориса Михайловича. Александра Петровна баловала мужа и прощала ему все.

Выйдя на пенсию после тридцатилетней карьеры преподавателя древней истории, она не на шутку увлеклась идеей предопределенности исторических событий и поиском доказательств, подтверждающих существование пресловутого *praedestinatio*¹. Путь исканий оказался извилист и мимоходом заводил Александру Петровну то в одну, то в другую сторону, на первый взгляд далекую от первоначальной цели. Именно таким образом она и познакомилась с Таро.

Очарованная Жезлами, Кубками и Мечами, Александра Петровна с дотошностью учебного проштудировала не один десяток книг, прежде чем досконально разобралась в хитросплетении загадочных символов.

По правде говоря, в последнее время Александра Петровна чаще использовала карты для того, чтобы перекинуться в *jeu de tarot*², нежели чем для гаданий, но по просьбе Глеба с удовольствием согласилась поделиться своими обширными познаниями.

Для начала Глеб вывел на экран телефона фото пергамента, найденного у Гонсалеса. Борис Михайлович и его супруга как по команде надели очки и склонились над мобильным. Изучив изображение, профессор поднял взгляд на Глеба и Веронику:

– Но это всего лишь фрагмент. А где же недостающая часть?

Глеб вздохнул:

– Нам бы тоже хотелось это знать.

Александра Петровна разложила заранее приготовленную колоду.

– Действительно, одна из карт старших арканов колоды Таро называется «Звезда».

– Это которая? – поинтересовалась Вероника.

– Вот эта.

Глеб и Вероника склонились над изображением обнаженной женщины, льющей из двух кувшинов воду то ли в ручей, то ли в реку. Над головой у нее располагалась большая звезда в окружении семи маленьких.

– Интересно, а что сулит такая карта? – спросил Глеб.

– О, это зависит от расположения. Прямое изображение означает мудрость, духовное просвещение и счастье. А вот перевернутая карта – совсем другое дело. Она предвещает разочарование, крушение надежд и потери.

– А вы знаете, какая именно звезда имеется в виду?

– Разумеется. Это Сириус.

– Но почему вы так уверены? – спросила Вероника.

– Ну, во-первых, это самая яркая звезда небосвода. А во-вторых, Сириус нередко изображают в виде пентаграммы, как на вашем пергаменте.

– Хм, интересно. – Глеб посмотрел на профессора. – Помните, я говорил, что на столе было нацарапано слово *canicula*?

Буре задумчиво затеребил свою бородку.

– И в самом деле, очень любопытное совпадение.

– Это вы о чем? – спросила Вероника.

– Этим словом римляне называли Сириус, – пояснил Глеб.

– Подожди, но ты же говорил про «собачку».

– О, я вижу, вы порядком подзабыли институтские лекции, – с улыбкой констатировал Буре. – Позвольте напомнить, что Сириус – часть созвездия Большого Пса, и утренний восход этой звезды совпадал с самым жарким периодом года, именовавшимся *dies caniculares* или «собачьи дни», когда люди, высунув языки, старались по возможности избегать всякой работы и искали спасения от зноя в сени деревьев и прохладе терм. Столь любимое моими

¹ Предопределение (*лат.*).

² Французское таро – старинная карточная игра.

студентами слово «каникулы», как вы понимаете, произошло именно отсюда. А само название «Сириус», в свою очередь, происходит от греческого слова «сириос» – знойный. Кстати, на дворе нынче как раз и стоят эти самые «собачьи дни» – с конца июля по конец августа.

– Значит, мой муж тоже погиб в один из «собачьих дней»?

– Выходит, да, но это уж точно является чистым совпадением.

– Совпадением? Вспомните Гиппократ, – возразил Глеб. – Он уверял, что свет Сириуса влияет на людские судьбы.

– Да, примерно то же самое утверждал и Гален, – согласился профессор. Он снова задумчиво затеребил бородку и налил всем по рюмке водки. Они выпили за упокой души Рамона Гонсалеса, после чего Александра Петровна пригласила всех к столу – пришло время обеда.

За едой разговор продолжал вертеться вокруг Сириуса и того факта, что в большинстве европейских языков он до сих пор традиционно зовется «Собачьей звездой».

После изысканной трапезы последовала бесконечная череда дижестивов и университетских анекдотов. Во время прощания Буре, похлопав Глеба по плечу, шепнул ему на ухо:

– *Vetus amor non sentit rubiginem*³.

– О чем это вы там секретничали с Буре? – спросила Вероника сразу после того, как они вышли на улицу.

– Да так, ничего особенного. Профессор кое о чем мне напомнил, – солгал Глеб и постарался сменить тему. Однако все то время, что они, оживленно болтая, шли по Садовому, процитированная Буре древнеримская поговорка продолжала навязчиво вертеться в Глебовой голове.

* * *

Заварив себе чаю, Лучко пытался привести мысли в порядок.

Значит, пергамент в копилку спрятал сам Гонсалес? Зачем? Почему погибшему было так важно, чтобы кто-нибудь нашел фигурку собачки и спрятанный в ней рисунок? Может, заключение эксперта хоть что-нибудь прояснит? Жаль только, что у Расторгуева до сих пор руки до пергамента так и не дошли.

Капитан налил себе чаю, размешал сахар и сделал пару больших глотков.

Но почему Гонсалес зашифровал послание таким необычным способом? А если бы Глеб не догадался? Хотя Гонсалес, кажется, сделал все, чтобы сообщение дошло до адресата. Ведь он для верности оставил еще один ключ – фигурку быка. Но откуда Гонсалес мог знать, что тот, кто прочтет его предсмертную записку, окажется специалистом по древним языкам? Не для того ли он сделал свой последний звонок?

Тихонько задрожал лежащий на столе мобильный. Звонил Глеб. Он рассказал следователю о разговоре с Буре.

– Слушай, только не грузи меня, – взмолился капитан. – И так голова разрывается, а тут еще ты со своей астрономией. Если нароешь что-то посущественнее, звони. А сейчас, извини, не до тебя.

Покончив с чаем, Лучко отправился на доклад к Деду, предварительно выключив телефон. Еще не хватало, чтобы мобильный зазвонил прямо в кабинете у генерала. Шеф и без того с самого утра на взводе – его опять терзали звонками со Смоленской площади.

На пути к кабинету начальника Лучко еще раз вспомнил разговор с Глебом. Ёпэрэсэтэ! Ну при чем здесь Сириус?

³ Старая любовь не ржавеет (*лат.*).

По совету Буре Глеб отправил снимок пергамента по электронной почте Леше Андрееву – знакомому палеографу. Тот обещал, что, как только выкроит свободный часок, обязательно изучит надпись. И хотя фрагмент текста был до смешного невелик – всего четыре буквы – Глеб очень надеялся, что коллега сможет что-нибудь подсказать. Звонок не заставил себя ждать.

– Такой шрифт использовали во Франции с двенадцатого по пятнадцатый век, – сообщил Андреев.

– Но пергамент не может быть таким старым.

– Значит, это имитация.

– Скорее всего. А про звезду что скажешь?

– Звезда как звезда. Ее изображение не особенно эволюционировало с самой древности, так что указать время происхождения не могу. А что это вообще за штукавина? Где ее нашли-то?

– Э-э... в архиве, – соврал Глеб.

– Ладно, не хочешь – не говори. – Леша обиженно засопел в трубку. – Судя по фотке, нижний край оборван. Если ненароком найдешь... э-э... в архиве оторванную часть – дай знать.

– Непременно, – снова соврал Глеб и отключился.

* * *

Дед был настроен на редкость миролюбиво. Подперев ладонью подбородок, размеру которого позавидовал бы Николай Валуев, генерал свободной рукой размешивал бледно-желтое содержимое стакана, стоящего в натертом до блеска серебряном подстаканнике. Рядом на блюде лежала гора лимонных корок и пара красных острых перцев. Блюде, в свою очередь, стояло поверх внушительной стопки журналов «Здоровое питание».

С недавних пор Дедов повел остервенелую борьбу с лишним весом и, как и положено неофиту, переживал воинствующую фазу, принуждая добрую половину сотрудников управления – кого агитацией, а кого и в приказном порядке – присоединиться к погоне за ускользающей молодостью и красотой.

– Не хочешь попробовать?

– А что это?

– Диета, мать ее. Лимонная. Говорят, от самой Наоми Кэмпбелл. – Генерал сложил свои огромные лапы колючком. – Видал, какая у нее талия?

– Так точно.

– То-то. Я-то сам, правда, глядя на бабу, на талию не особо смотрю – есть места и поинтересней – но это так, к слову. Ну что, отхлебнешь?

Лучко энергично замотал головой:

– Никак нет.

Выдавив из себя нечто среднее между улыбкой и оскалом, генерал указал подчиненному на стул.

Вообще-то *Лучко* предпочитал докладывать стоя. Во-первых, так удобнее отодвинуться от стола, когда шеф начнет орать, а он обязательно начнет. Во-вторых, стоя можно мгновенно принять положение «смирно». Любой служивый в курсе, что стойка «смирно» – это армейско-милицийский аналог того, что у гражданских принято называть позой зародыша, призванной минимизировать травмы в случае опасности столкновения. Например, столкновения с начальником.

Лучко осторожно присел на самый край стула, чтобы было полочнее вскочить. Хотя капитан прошел две войны, не раз смотрел смерти в лицо и не боялся ни Бога, ни черта, он,

как ни странно, больше всего на свете опасался генерала и его привычки орать подчиненному прямо в ухо своим невероятно громким голосом, вводящим в ступор даже самых крепких мужиков. Матерый следователь предпочел бы с голыми руками пойти на вооруженного до зубов бандита, чем быть вызванным к Деду на ковер.

– Р-ршите доложить?

– Ну давай, капитан, не тяни, рассказывай.

Следователь вкратце изложил последние события. Выслушав капитана, генерал слегка расслабил воротничок сорок восьмого размера.

– Да уж, темная история. Но, знаешь, мне как-то не очень верится в твою версию с этим Таро. Гонсалеса грохнули из-за гадальных карт? Сомнительно.

– С другой стороны, сколько народу полегло за карточные долги, – отважился возразить начальнику Лучко.

– Мать твою, подумай головой, карты картам рознь, – рявкнул Дед. – А что там по пергаменту?

– Ждем заключение, – отчеканил Лучко, инстинктивно смещаясь поближе к краю стула.

– Ясно. А что думаешь насчет вдовы?

– Вроде на злодейку не тянет.

– Не тянет? Уверен? – переспросил генерал, пристально глядя Лучко в глаза.

– Так точно.

– Ладно. Иди работай, – пробурчал Дед, утирая струйку пота. – «Собачьи дни», говоришь? Хе!

Глава 8

Прощание с Рамоном

Из-за июльской духоты их тела взмокли от пота. Можно сказать, они занимались любовью, плавая в луже.

Руки Глеба скользили вверх и вниз по влажной спине Вероники. Ее спутавшиеся волосы, впитавшие в себя запахи летних бульваров, с размеренной частотой падали ему на лицо. Ах, какое прекрасное и давно забытое ощущение!

Тишину спальни внезапно нарушил какой-то отдаленно знакомый звук, точно совпавший по темпу с их любовной хореографией. Музыка сфер? Нежданный аккомпанемент из плавного адажио постепенно перешел в анданте, потом в аллегро и, наконец, в головокружительный престиссимо.

Глебу показалось, что под звон колоколов на них с потолка просыпался то ли золотой дождь, то ли искры невесть откуда-то взявшегося фейерверка. В эту же секунду он вспомнил, где слышал этот звук. Ну конечно. Это же старинные часы с боем, что висели дома у Вероникиной бабушки. Когда та съезжала летом на дачу, ее квартира на пятом этаже старой облупившейся хрущевки превращалась в храм любви, где ежедневно после лекций, а зачастую и вместо них уединялась безумно влюбленная парочка. Помнится, обессиленные любовным марафоном, они принимались гадать, как может называться эта божественная мелодия, которую так страстно исполняют потрепанные временем часы марки «Густав Беккер».

«Хм, но разве ту хрущевку не снесли еще лет пять назад?» – подумал Глеб и тут же проснулся.

* * *

Гонсалеса похоронили на Алексеевском кладбище, между католическим крестом на могиле отца и православным – на могиле матери.

«Символично, – подумал Глеб, стоя под морозящим дождем, – похоже, что Рамону, полжизни прожившему на две страны, даже после смерти суждено зависнуть где-то посредине между родиной предков и местом, где родился и вырос он сам».

Тщательно промокнув платком глаза, Вероника взяла за руку мальчика лет десяти – уменьшенную копию Рамона – и подошла к Глебу.

– Вот познакомься. Это Хуан Рамонович. Он же Йося, он же Хоня, он же Пеле.

Хуан Рамонович-Йося-Хоня-Пепе первым протянул руку и спросил с едва уловимым акцентом:

– Как поживаете? Мама сказала, вы близко знали моего папу.

– Ну, не то чтобы очень, – облизнув внезапно пересохшие губы, ответил Глеб.

По правде говоря, последние лет десять-пятнадцать после того как Рамон Гонсалес увел Веронику, его образ ничего кроме ненависти в памяти не вызывал. Впрочем, негоже детям отвечать за грехи отцов. Глеб положил руку мальчику на плечо:

– Твой отец был большим ученым. Ты можешь им гордиться.

– Обязательно буду, – твердо пообещал Гонсалес-младший и опустил печальные глаза размером почти что с мамины.

Наблюдавшая за разговором Вероника одарила Глеба благодарным взглядом. «Черт побери! А ведь ты мог быть и моим сыном», – с тоской подумал Глеб и невольно стиснул плечо парня так, что тот поморщился.

Последний раз оглянувшись на могилу, Вероника пригласила всех собравшихся на поминки.

За столом толком поговорить не удалось, и Глеб предложил Веронике завтра снова пройтись по Бульварному кольцу.

* * *

На столе у Лучко зазвенел телефон.

– Это Расторгуев.

– Наконец-то. Ну что скажешь?

– Интересная штука получается с этим вашим пергаментом. – Гриша, не тяни резину.

Выкладывай, что нарыл.

– Тут такое дело. Судя по всему, возраст пергамента не менее семисот лет.

– Старинный, стало быть?

– Не то слово. Средние века, понимаешь.

– Ясно. Ну а линия разрыва?

– А вот разрыв совсем свежий.

– Насколько свежий-то?

– Считанные дни.

– А письменное заключение подошлешь?

– Завтра устроит?

– Лады.

Не вешая трубку, капитан набрал Стольцева. Надо было срочно посоветоваться.

* * *

Глеба так распирало от новостей, что он вместо прогулки сразу предложил сесть в кафе.

Услышав о возрасте пергамента, Вероника посмотрела на Глеба в полном непонимании.

– Ну, допустим, старинный. А чего ты так разволновался-то?

– Как чего? Только представь, пергаменту целых семь веков!

– И?

– Я вижу, ты напрочь забыла все, чему учили на истфаке.

– Вообще-то я в отличие от тебя так никогда и не работала по специальности.

– А кстати, чем ты теперь занимаешься?

Вероника улыбнулась:

– Есть, знаешь ли, такая профессия – быть мамой. Я отдала этому делу кучу лет. Потом решила перековаться из историка в риелтора. У меня своя компания. Кризис, конечно, подкосил, но ничего, пока выживаем. Твое любопытство удовлетворено?

– Вполне. Извини, я вовсе не хотел тебя обидеть. Теперь понятно, почему ты не подпрыгнула, как я, когда услышал о возрасте пергамента. Дело в том, что если нашей находке и впрямь семьсот лет, – а поводов сомневаться в компетенции экспертов с Петровки у меня нет, – то найденная нами надпись никакого отношения к Таро не имеет – считается, что такие карты появились как минимум одним-двумя столетиями позднее.

– Выходит, до этого карт просто не существовало?

– Ну что ты. Китайцы уже всю игру в карты и семьсот, и даже девятьсот лет назад.

Но то были игральные колоды, а не Таро.

– Тогда что же, по-твоему, мы нашли у Рамона?

– А вот это хороший вопрос.

– И почему на пергаменте свежий надрыв? Зачем Рамону разрывать семисотлетний артефакт?

– Это и в самом деле очень странно. Ни у одного историка рука бы не поднялась. И самое главное, где находится недостающая часть?

Они в молчании допили кофе и вышли на Тверской бульвар.

– А знаешь, раньше его называли просто Бульваром, поскольку он был единственным во всей Москве. Кстати, это место исконно считалось гиблым, и знаешь почему?

– Вижу, ты уже соскучился по кафедре, – рассмеявшись сказала Вероника и взяла Глеба под руку. – Ладно, за неимением другой аудитории разрешаю читать лекции мне.

Не сговариваясь, они побрели в сторону дома, возле которого, говорят, сам Александр Сергеевич назначал свидания Наталье Николаевне. Правда это или нет, доподлинно неизвестно. Зато Глеб прекрасно помнил, что именно здесь случился их самый первый с Вероникой поцелуй.

Дело было летом, между вторым и третьим курсом. Твер-буль, как и сейчас, был напоен дивной смесью из цветочных ароматов и запаха ее волос. Прошел дождик и промочил их одежду насквозь. Влажное платье прилипло к телу Вероники, придав ее скромным на тот момент формам неотразимо обольстительный вид. Глеб неуклюже прижал девушку к себе, и они целый час не могли оторваться друг от друга. Все это время Вероника дрожала крупной дрожью – то ли от холода, то ли от наслаждения. . .

Он украдкой посмотрел на свою спутницу. Если она и вспомнила тот далекий день, то виду не подала.

– Подумать только, мне вчера приснился бой часов.

– Тех самых? – сразу догадалась Вероника.

– Ага, «Густав Беккер».

– Представь, они сохранились. Живут теперь в моей мадридской квартире.

– Да ну?

– Чистая правда. Все так же исправно бьют каждый час.

Все то время, пока они продолжали гулять, Глеб судорожно пытался подсчитать в уме, сколько же оборотов совершили покрытые патиной стрелки с того далекого августовского дня, что недавно во всех приятных подробностях привиделся ему во сне. Получилось что-то около ста тридцати тысяч. Хм, всего-то?

* * *

Расставшись с Вероникой, Стольцев всю оставшуюся часть дня размышлял о непонятном рисунке на пергаменте. Что за тайну он скрывает? В который раз Глеб разложил перед собой уже порядком потертую распечатку. Хм. А что если?..

Уже через минуту он торопливо набирал номер Лучко.

– Здравствуй, капитан! Это не Таро!

– Опять двадцать пять, – проворчал следователь. – А что это?

– Это снова бустрофедон.

– Хочешь сказать, что и тут тоже надо читать слева направо?

– Именно! В таком случае вместо *taro* получается *orat*!

– Ну и что? Один хрен бессмыслица какая-то.

– Вовсе нет. *Orat* на латыни означает «говорит». А еще это может означать: «просит», «умоляет».

– Умоляет? – хмыкнул капитан. – Глеб, это я тебя умоляю, не фантазируй.

– Да при чем тут мое воображение? Все очень логично. Получается, что изображенная на пергаменте звезда «говорит».

– Так все же говорит или умоляет? Говорит с кем? Умоляет кого?

Глеб замаялся и засопел в трубку.

– Думаю, ответ следует искать на оторванной половине.

– И где же она?

– Скорее всего, дома у Гонсалеса.

– Ты предлагаешь расколотить все остальные статуэтки?

– Как вариант.

– Да я же самолично их все отсмотрел. Прорезь была только у коровы. А внутри остальных одна пустота. Мы там с двумя коллегами потом еще раз в шесть рук все прочесали. И ничего.

– И ничего, – эхом отозвался Глеб. – Ладно, дай мне время подумать и кое с кем посоветоваться.

* * *

Выяснив, что Буре уехал за город, Глеб отправился к нему на дачу. И дом, и участок, принадлежавшие Борису Михайловичу, служили ярким доказательством того, что в жилах профессора текла немецкая кровь – овощи с грядок претендовали на диплом ВДНХ, безупречную геометрию клумб можно было проверять самыми высокоточными приборами, и все равно не найдешь и тени погрешности, а оконные стекла блестели так, что руки соседских пацанов сами собой тянулись к рогаткам.

Глеб застал профессора за необычным занятием. Борис Михайлович с мастерком в руке, периодически сверяясь с фотографией Колизея, придавленной к земле бокалом вина, выкладывал из камня некое подобие миниатюрного амфитеатра. Три яруса каменных сидений полукругом опоясывали врытую в землю шашлычницу и огромную каменную столешницу.

– Что это вы строите? Храм Священного Гриля?

– Берите выше. Это будет настоящий кулинарный театр! – с гордостью объявил профессор, полностью разделявший неизбывную любовь Глеба к вкусной еде.

– Когда открытие?

– Недели через две.

– А что дают на премьере?

– Барашка.

– Хочу билет в партер, – умоляющим тоном попросил Глеб.

– Не волнуйтесь, у вас абонемент, – с улыбкой заверил его Борис Михайлович и отложил мастерок. – Ну-с. С чем пожаловали?

Они уселись на веранде с видом на уходящую за горизонт реку. Насладившись буйством летнего пейзажа, Глеб поделился с Буре своими догадками.

– Хм. Значит, вы думаете, надпись на пергаменте тоже следует читать наоборот? – уточнил профессор.

– Да, опять бустрофедон.

– Ну почему сразу бустрофедон? – возразил Буре. – Мало ли кто может начинать с правой стороны. Спросите китайца или японца, как ему сподручнее писать, и он ответит, что гораздо удобнее делать это, когда целиком видишь поле будущего иероглифа, а не перекрываешь его рукой, то бишь справа налево.

– Согласен. Но меня больше волнует другое. Что может означать слово *orat* применительно к звезде?

– А вот здесь-то как раз все понятно. Боюсь, я не совсем согласен с вашей трактовкой. Думаю, звезда ни с кем и ни о чем не говорит. Она указывает.

– Указывает?

– Ну да.

– А на что?

– Не знаю. Например, направление или место. Что-то вроде дорожного знака.

Глеб с сомнением потрянул головой:

– Ну и где, по-вашему, прячется эта загадочная звезда?

Буре потрепал Глеба по плечу:

– *Quaerite et invenietis*⁴.

Глеб снова окинул взглядом живописные окрестности и задумался.

– Странно. Ну почему свое предсмертное послание Гонсалес оставил нам не по-русски, не по-испански, а на латыни?

– Голубчик, вам ли не знать, что в истории и не такое бывало. Вспомните последние слова Чехова: *Ich sterbe*⁵.

– Ну так он же находился в Германии и говорил с немецким врачом. А Гонсалес-то погиб в своей квартире в Москве.

С минуту подумав, профессор затеребил бородку:

– А что, если человек, напавший на Гонсалеса, тоже владел и русским, и испанским, а Рамон Хуанович об этом знал?

– Да, тогда понятно, отчего латынь. Хм, весьма правдоподобно.

Профессор хитро улыбнулся, снова взял в руки мастерок и с энтузиазмом вернулся к садово-огородному зодчеству.

* * *

Лучко попросил Веронику о встрече, а заодно предложил и Глебу поучаствовать в разговоре. Хозяйка сразу же усадила гостей за стол. Она гостеприимно выставила перед капитаном чайник и поднос со сладостями.

Глеб рассказал о разговоре с Буре и предположениях профессора.

– Ну и где нам искать разгадку этой головоломки? – спросила Вероника.

– Скорее всего, в Испании, – ответил Глеб и повернулся к Лучко.

– А что нового у тебя?

Неспешно покончив с заварным пирожным, следователь огорошил Веронику неожиданным известием:

– Пришел ответ из Испании. Оказывается, ваш муж был объявлен в розыск по обвинению в убийстве.

– Убийстве?

Вероника без сил плюхнулась на стул.

– Испанцы не уточнили сути дела, только сообщили, что преступление случилось в каком-то местечке близ города Толедо.

Все еще пребывая в шоке, Вероника раскрыла рот, но так и не смогла ничего сказать. Глеб взял ее руки в свои. Понемногу Вероника успокоилась. Не отнимая рук, она посмотрела Глебу в глаза и спросила:

– Мне нужна помощь. Ты поедешь со мной в Мадрид?

Наблюдавший за разговором капитан ухмыльнулся:

⁴ Ищите и найдете (*лат.*).

⁵ Я умираю (*нем.*).

– Соглашайся. Имей в виду, если не поедешь ты, поеду я.

Глава 9

Ночной Мадрид

Самолет приземлился в аэропорту Барахас поздно вечером, и до дома, где жила Вероника, они добрались только к полуночи. Глеба, прежде уже посещавшего испанскую столицу, в очередной раз поразило количество людей на улицах.

– Сегодня какой-то праздник? – спросил он.

– А здесь всегда праздник, – со звонким смехом ответила Вероника, отпирая подъезд. – Еще Хемингуэй в свое время подметил, что «спать по ночам считается в Мадриде чудачеством». Так что если есть силы, можем пройтись. По здешним меркам вечер только-только начался.

Несмотря на усталость, Глеб принял предложение на ура.

– Отличная идея! Дай мне немного осмотреться и – вперед.

Поднявшись по мраморным ступеням, они наконец оказались перед дверью квартиры. Над звонком к стене была прикручена табличка с карикатурным изображением человека в очках, стоящего у классной доски с указкой в руках. Заметив интерес Глеба к табличке, Вероника объяснила:

– Подарок студентов. Висит еще с тех времен, когда Рамон читал лекции в местном университете. Ну вот, проходи.

Войдя первой, Вероника щелкнула выключателем. Глеб поставил чемоданы на пол и с любопытством огляделся.

Первое, что бросилось в глаза, были часы «Густав Беккер», прекрасно вписавшиеся в интерьер гостиной. Перехватив взгляд Глеба, Вероника усмехнулась:

– Узнал, значит?

В левой стороне груди отчего-то заныло. Он молча кивнул и с любопытством продолжил осмотр. Строгие современные линии жилища Гонсалесов тут и там весьма удачно разбавляли то яркие пятна ковров в мавританском стиле, то потрескавшиеся от времени изразцы, то предметы мебели самого что ни на есть антикварного вида. Во всем чувствовалась рука Вероники.

«Не встань на нашем пути Гонсалес, мой дом сейчас мог бы выглядеть так же», – неожиданно для себя с легкой завистью подумал Глеб.

Оставив вещи нераспакованными, они вышли на прогулку. На улице было не протолкнуться.

– Бог мой, стоит глубокая ночь, а народу – как днем на Тверской! – с удивлением озираясь по сторонам, сказал Глеб.

– Да, мадридцев неспроста называют «кошками» – мы гуляем по ночам.

– Ты сказала «мы»? Забавно. Вижу, ты и впрямь ощущаешь себя испанкой.

Улыбнувшись, Вероника оставила слова Глеба без комментария.

– Представь, у нас тут даже специальные ночные автобусы ходят. В народе их ласково прозвали «совами».

– А я слышал, что этот транспорт для полуночников зовут *buho*.

– Да, все точно.

– Прости, но разве *buho* это не «филин»?

Вероника рассмеялась. Как показалось Глебу, через силу. Последнее замечание ее явно задело.

– Извини, я уже и забыла про твой лингвистический дар. К тебе же иностранные языки всегда сами липли.

«Как бабы к Рамону», – чуть было не вставил Глеб, но сдержался. Вместо этого он сказал:

– Не обижайся. У тебя отменный испанский.

– Я, между прочим, здесь живу уже тучу лет. А тебе достаточно потрындеть тут с местными месяц-другой, и тебя уже фиг отличишь от коренного мадридца. Эх, мне бы так!

Пытаясь загладить свою нечаянную оплошность, Глеб предложил верный путь к примирению:

– Выпить хочешь?

Несмотря на то, что, по словам Вероники, число баров на душу населения в Испании выше, чем в любой другой стране мира, свободного места за столиком отыскать не удалось. Они устроились за стойкой бара и заказали по бокалу риохского. Заказ был исполнен почти мгновенно.

– За что пьем? – спросила Вероника.

– За тебя, конечно. Скажи, ты здесь счастлива?

Прежде чем ответить, Вероника успела сделать пару глотков.

– Если ты спрашиваешь меня о том, хочу ли я вернуться, то ответ – «нет». Да и Йоське здесь очень комфортно.

– А как же мама?

– А что мама? Я звала ее сюда уже сто раз – она ни в какую.

– Но ты ведь теперь одна, без Рамона...

Вероника слегка наклонила голову вбок и прищурилась.

– Стольцев, если ты окольным путем хочешь узнать, есть ли у меня мужчина, то это не твоего ума дело. Понял? А за меня не беспокойся – я уже большая девочка.

Замолчав, Глеб приложился к бокалу. Ммм! Испанцы, обсуждая достоинства темпранильо, не зря говорят, что это вино *con cuerpo* – то бишь «с телом». Надо сказать, даже сами виноделы и те до сих пор так и не пришли к общепринятому определению этого расплывчатого термина. Ясно только, что речь тут не столько о букете и аромате, сколько об общей полноте вкуса. Так или иначе, а этот риохский темпранильо определенно был с «телом». Да еще с каким!

Глеб несколько секунд посмаковал напиток во рту, а затем представил его в виде обнаженной красотки, дефилирующей по подиуму. Причем это была не какая-нибудь там костлявая «вешалка», а настоящая «бельевая» модель с самыми соблазнительными и упругими формами. Примерно такими, как у Вероники.

Разговор не клеился, да и начала сказываться усталость. Они рассчитались и молча побрели домой по неестественно многолюдным улицам. Глеба всю дорогу не оставляло ощущение, что какой-то невидимый режиссер, снимающий ночную сцену неведомого фильма, по ошибке здорово переборщил с массовой.

Вот и знакомый подъезд. Первым делом Вероника отвела Глеба в небольшую комнату без штор.

– Это бывший кабинет Рамона.

– А что тут теперь?

– Пока ничего. Так что ты вполне можешь устроиться здесь на тахте. Годится?

– Вполне.

Было видно, что кабинет Гонсалеса обставлялся исключительно его хозяином.

Красота была безжалостно принесена в жертву практичности – сплошные стеллажи с книгами и безликие коробки с архивами. Единственным украшением комнаты служили несколько огромных фотографий с острыми моментами футбольных матчей.

На одном фото зубастый Рональдо со зверским оскалом на лице забивал гол Оливеру Кану, вытянувшемуся в кошачьем прыжке на фоне бразильского флага, взметнувшегося на

трибуне. Надо же, Глеб и не знал, что Рамон был таким заядлым болельщиком. Испанец, однако.

Лишь одно изображение не имело никакого отношения к футболу. Это была фотография маленького Хуана Гонсалеса, сидящего на закорках у улыбающегося отца.

Нежно погладив пальцами стекло, Вероника вздохнула:

– Жутко скучаю по Йоське. Ты даже не представляешь, какой у меня растет классный парень. Настоящий мужчина, даром, что маленький.

– Так может, следовало взять его с собой?

– Нет, пусть пока побудет у бабушки. Мне так спокойнее. – Вероника рассеянным жестом провела руками по волосам. – Ладно, поздно уже. Постельное белье в шкафу, полотенце в ванной. Если захочешь чайку на сон грядущий или чего-нибудь покрепче, и то и другое найдешь на кухне. И не забудь включить кондиционер, а то сдохнешь – сегодня днем было плюс тридцать девять. Спокойной ночи.

* * *

Стольцеву всегда плохо спалось на новом месте. А уж по соседству с часами «Густав Беккер» и подавно. Он, разумеется, не стал рассказывать Веронике ни о том, как после их разрыва с упорством маньяка пытался выяснить, какую же мелодию отбивали часы, с которыми связано столько блаженных воспоминаний, ни о том, каким странным образом нашел ответ.

Как-то раз, впервые приехав в Лондон, Глеб, гуляючи по Ист-Энду, услышал колокольный звон, точь-в-точь повторявший бой, заложенный в механизм «Густава Беккера». Выяснилось, что это звонят колокола церкви Сент-Мэри-ле-Боу.

Оказалось, что именно их перезвон был взят часовыми мастерами за образец. И хотя оригинальная мелодия старинного карильона звучала много лучше, чем ее часовая копия, Глебу захотелось наглухо заткнуть собственные уши и не слышать ни звука. С тех пор он дал себе слово, что в Лондон больше ни ногой. А тут за стеной каждый час такая пытка.

Глеб отругал себя за то, что столь необдуманно согласился на это путешествие. В конце концов, разве Вероника не разбила когда-то его сердце вдребезги? С какой стати он должен все бросать и, как пятнадцать лет назад, мчаться ей на помощь? А кто помог ему самому, когда Вероника оставила его ради Рамона? С другой стороны, никто на аркане не тянул – не хотел бы, не поехал.

Он лежал, глядя в темный потолок, пытаясь сообразить, что же на самом деле привело его в чужой город, где согласно завтрашнему прогнозу термометры дружно покажут плюс сорок. Ложное чувство долга? Искреннее желание помочь? Призрак утраченной любви? Надежда? На что?

Несмотря на кондиционер, в комнате было душно. Сна ни в одном глазу. Не помогли ни стакан теплого молока, ни аналогичный объем ледяного пива с изрядной порцией водки.

Поворочившись полчаса, он встал и принялся наблюдать за интенсивной ночной жизнью, происходившей за окном, выходящим на небольшую площадь.

Вероника оказалась права – число празднующихся не снизилось ни к двум, ни даже к трем ночи. Причем местный вирус бессонницы поразил всех от мала до велика. Глеб с удивлением наблюдал, как возле столиков уличного кафе напротив резвились ребятишки и как молодые мамы, периодически приложившись к рюмке, с умилением покачивали стоящие рядом коляски. И если бы не время на часах, картина выглядела бы абсолютно идиллической.

Глеб смотрел на мадридцев и завидовал черной завистью. Елки-палки, вот так и нужно жить. Ну кто сказал, что свет в детской должен в обязательном порядке гаснуть сразу после выпуска «Спокойной ночи, малыши»?

Впрочем, пора бы уже и заснуть. Глеб снова лег и, закрыв глаза, принялся пересчитывать в уме бесчисленные стада животных.

Как и положено ученому, он применил творческий подход, поэкспериментировав сначала с баранами, потом со слонами, затем с жирафами и, наконец, с прочей живностью размером помельче. В итоге эмпирическим путем было установлено, что единственным эффективным снотворным средством может служить исключительно пересчет хомячков. Как оказалось, ни зайцы, ни мыши, ни даже забавные сурикаты никакого седативного воздействия на человека не оказывают.

Окрыленный этим неожиданным открытием, он уснул, когда над Мадридом уже занималось утро.

Глава 10

Инспектор Рохас

После первой полноценной ночи отдыха за целую неделю Вероника за завтраком выглядела разом посвежевшей. Глеб непроизвольно отметил, что ее привычки за прошедшие годы мало изменились. Как и прежде, она не любила спозаранку отягощать себя ни косметикой, ни одеждой. Весь ее утренний туалет сводился к длинной шелковой рубашке, смахивающей на мужскую, и узкой ленте, стягивающей волосы. Обычно не особо щедрый на высокие экзаменационные баллы, Глеб справедливости ради был вынужден оценить внешний вид бывшей пассии на «пять». Из вредности он попытался обнаружить хоть какие-то изъяны вроде морщин или целлюлита, но тщетно.

Не замечая его пристального взгляда и увлеченно колдуя над сковородой, Вероника рассказала, что Рамон в последние месяцы почти не бывал в Мадриде. Он перебрался в Толедо, где участвовал в археологических раскопках, которыми руководил некто Луис Ригаль.

– Ригаль? Я слышал о нем. Специалист по Средним векам, если не ошибаюсь? – уточнил Глеб, с аппетитом уписывая блинчик с клубникой.

– Так и есть. И еще какой. Луис был близким другом Рамона. Они когда-то преподавали в университете.

– Раз так, имеет смысл отправиться в Толедо и встретиться с этим Ригалем. Возможно, он знает что-то, чего не знаем мы.

– Так и поступим. Но сначала мне не терпится заехать в тамошнюю полицию и выяснить, в чем конкретно обвиняют Рамона.

Сразу после завтрака они сели в желтый «сеат» Вероники и отправились прочь из душного города.

* * *

Июльское небо тонкими голубыми иглами пронзало мягкий полумрак храма. Солнечные зайчики, наплевав на скорбную атмосферу зауспокойной молитвы, весело скакали по покрытой патиной позолоте амвона. Ослепленный бликами священник на мгновение запнулся, поправил очки и продолжил.

Скучающий взгляд Командора скользнул по витражам и уперся в мозаичный лик Всевышнего, грозно распростершего божественную десницу над паствой.

«Когда-нибудь, а может быть, очень скоро я обрету сравнимое могущество», – подумал Командор и силой воображения приставил Иисусу свою собственную голову. Получившаяся картина выглядела весьма иконописно.

Прости меня, Боже! Устрашившись совершенного богохульства, Командор принялся истово молиться. Прочитав про себя «Отче наш», он снова поднял глаза на потолок и прищурился, пытаясь получше разглядеть выражение глаз Спасителя. Оно было неодобрительным. Будто Бог прознал о его планах и готовился им помешать.

Командор невольно поехал, но взгляда не отвел. Никто и ничто на свете не сможет встать у него на пути. Вон, человек, которого сегодня девятый день как поминают, тоже пытался помешать, и что? Впрочем, в Писании ведь не зря сказано, что непослушный сын погибнет, ибо непокорность есть такой же грех, что и идолопоклонство.

Трижды перекрестившись открытой ладонью, Командор присоединился к общей молитве.

* * *

Красное кирпичное здание полицейского управления Кастилии и Ла-Манчи занимало целый квартал. Вероника предъявила дежурному какой-то документ и с бешеной скоростью затараторила по-испански. Надо сказать, что Стольцев понимал по-испански абсолютно все, но когда говорил сам, то время от времени сбивался на итальянский.

После долгих объяснений, кто они такие и зачем пришли, Глеба и Веронику наконец направили на четвертый этаж, где им навстречу вышел невысокий смуглолицый господин с глазами-буравчиками. Представившись инспектором Франсиско Рохасом и предварительно просверлив визитеров насквозь колючим взглядом, он предложил по-свойски звать его Пако. Затем инспектор широким жестом пригласил гостей в кондиционированную свежесть кабинета.

Усаживаясь напротив Рохаса, Глеб отчего-то вспомнил, что в Испании тех, кто носит имя Пако, примерно столько же, сколько в Бразилии донов Педро. На ум пришел процитированный Хемингуэем анекдот про то, как один испанец, приехавший в Мадрид в поисках сына, опрометчиво поместил в столичной газете объявление: «Пако жду тебя в отеле Монтана вторник двенадцать все простил папа». В итоге незадачливому папаше пришлось прибегнуть к помощи жандармов, чтобы разогнать собравшуюся у гостиницы тысячную толпу.

– Чем могу? – продолжая буравить гостей взглядом, спросил инспектор.

– Нам сказали, что вы занимались делом моего мужа Рамона Гонсалеса.

– Да. Все верно. Это я выписал ордер на его арест. Впрочем, он так и не понадобился.

– Я бы хотела знать, в чем именно обвиняли Рамона.

– Боюсь, мы все еще не вправе заменить настоящее время прошедшим, – тоном школьного учителя грамматики поправил Веронику Рохас. – Обвинения до сих пор не сняты.

– А вы можете посвятить нас в подробности? Полагаю, я, как вдова, имею на это право.

– Разумеется.

Инспектор подошел к металлическому шкафу и принялся перебирать папки. Раскрыв одну из них, он снова устроился в кресле. – Вот, извольте. С удовольствием зачитаю отдельные места, но с одним условием.

– С каким же?

– В ответ вы расскажете мне о том, как погиб ваш муж.

– Хорошо.

Инспектор склонил голову в знак признательности.

– Итак, Рамон Гонсалес подозревается в убийстве некоего Хавьера Дуарте, которое произошло в городе Талавера-де-ла-Рейна десятого июля сего года.

– Хавьер Дуарте? – на секунду задумалась Вероника. – Впервые слышу это имя.

– Неудивительно. Вы ведь, как я понимаю, жили с покойным мужем порознь, не так ли? Так что вряд ли были в курсе всех событий в его жизни. Вам что-нибудь известно о последнем месте работы господина Гонсалеса?

– Да, городские власти пригласили его для участия в каких-то раскопках.

– Вот с этого-то все и началось. – Время от времени сверяясь с досье, инспектор с выражением изложил известными следствию подробности дела. – По показаниям свидетелей, десятого июля на заседании совета фонда «Историческое наследие», под эгидой которого велись археологические работы в Толедо, Рамон Гонсалес упомянул о том, что отправляется на встречу с местным ученым-краеведом по имени Хавьер Дуарте. Несколько днями ранее этот Дуарте якобы сообщил Гонсалесу, что располагает важными сведениями о том месте, где экспедиция фонда вот-вот должна была начать археологические работы. А вечером того же дня супруга Дуарте обнаружила мужа мертвым.

- Но отчего вы так уверены, что этого господина убил мой муж?
- Ну, начнем с того, что Рамон Гонсалес сбежал в Россию.
- И на этом основании вы... – начала было возмущаться Вероника.

Инспектор жестом остановил ее и, снова уткнувшись в папку, принялся демонстрировать немалый драматический талант чтеца.

– На теле сеньора Дуарте был обнаружен кусок ткани. Убитый держал эту тряпицу зажатой в кулаке. При ближайшем рассмотрении ткань оказалась фрагментом мужского галстука, украшенного гербом Толедо и буквами *FPH*. Смекаете?

– Не особенно, – призналась Вероника.

– Все очень просто, *FPH* – это аббревиатура, образованная от полного названия фонда «Историческое наследие» – *Fundación Patrimonio Histórico*. Оказалось, что такие галстуки были у всех членов совета. Мало того, сотрудники фонда сообщили нам, что один из членов совета как раз должен был встретиться с убитым в тот роковой вечер. И этим человеком был ваш муж Рамон Гонсалес.

Вероника растерянно покачала головой:

– Я все еще не понимаю...

Инспектор многозначительно поднял указательный палец вверх, после чего и его брови послушно двинулись в том же направлении.

– Соседи видели, как Гонсалес звонил в звонок на двери Дуарте. Дверь ему, правда, так и не открыли. Вероятно, Дуарте в тот момент не было дома. Но ведь Гонсалес мог вернуться позднее, не так ли? Наконец, полиция проверила галстуки остальных членов совета фонда – все они оказались на месте. А ваш муж тем временем исчез. Какие вам еще нужны доказательства?

Вероника тяжело вздохнула:

– Не знаю, что и сказать. Пока вы меня не убедили. Я должна разобраться во всем сама.

Инспектор нахмурился:

– Каким же это образом?

– Пока не знаю.

Повисло тягостное молчание.

– Может, кофе? – запоздало предложил Рохас.

– Спасибо, мы и так отвлекли вас от работы.

– Что вы, что вы, тем более что вы обещали мне кое о чем рассказать.

– Ах да. Ну, тогда мне черный с сахаром.

– Мне тоже, – впервые нарушил молчание Глеб.

Рохас как-то неодобрительно взглянул на него, но чашку налил.

Выпив кофе, Вероника коротко пересказала инспектору то, о чем ей сообщил Лучко. Затем она спрятала в карман визитку инспектора и, поблагодарив его за уделенное время, направилась к дверям.

Выйдя на улицу, Глеб тут же промок насквозь и с сожалением вспомнил, как вчера жаловался на мадридскую жару, когда по уму надо было наслаждаться прохладой. Ведь настоящее пекло притаилось здесь, среди узких извилистых улочек, раскаленных до температуры сталеплавильного цеха. Складывалось впечатление, что традиционное обилие оружейных мастерских в этом городе объяснялось тем простым фактом, что в летние месяцы рачительный кузнец мог изрядно сэкономить на горне ввиду его полной ненужности.

* * *

Подойдя к окну, инспектор раздвинул пальцами жалюзи, чтобы еще раз проводить взглядом недавних гостей. Какая аппетитная вдовушка! Такие бабенки всегда нарасхват.

Только поглядите, со дня смерти мужа прошла едва ли неделя, а возле нее уже увивается смазливый ухажер. Шустра, ничего не скажешь.

Расслабив узел галстука, Рохас снова прикрыл жалюзи и плюхнулся в кресло. Любопытная парочка. Похоже, эти двое настроены весьма решительно. Как бы не наломали дров. Тем более в столь деликатном деле.

Инспектор Рохас рассказал своим гостям далеко не все. Например, он не упомянул о том, что убийство Дуарте странным образом связано с одним давним, так и незавершенным расследованием.

Дело в том, что в последние годы в городах Кастилии и Ла-Манчи неизвестные преступники регулярно нападали на служителей церкви или причиняли вред церковному имуществу. Все началось с убийства монаха здесь же, в Толедо. Затем в Мадриде убили местного священника. Потом еще одного. Наконец, были поочередно подожжены несколько храмов и снова вблизи от столицы.

Что интересно, все преступления совершались в один и тот же день года – тринадцатого октября. До сих пор никто так и не взял на себя ответственность за эту необъявленную войну против католической церкви.

И вот это дохлое дело уже много лет висит виснем, а тут первая зацепка: в Дуарте стреляли, и ствол этот баллистикам оказался уже знаком – именно из него когда-то убили толедского монаха и мадридских священников. И надо же было такому случиться, что единственная ниточка, которая могла бы привести к долгожданному прорыву в нераскрытом деле, оборвалась вместе со смертью Гонсалеса.

Какое отношение имел этот русский испанец к расстрелам священнослужителей? Отец Бальбоа, курирующий связи с полицией со стороны архиепископа, так тот вообще носит с бредовой идеей о том, что виной всему тамплиеры. Дескать, в свое время орден был разгромлен именно тринадцатого октября. Но ведь это случилось аж в 1307 году! Кому, скажите на милость, понадобилось мстить за гибель рыцарского ордена, да еще через целых семьсот лет? Да, падре Бальбоа – человек с фантазией, ничего не скажешь.

Не упомянул Рохас и еще об одной загадке, которую оставил следствию умирающий Дуарте.

Инспектор взглянул на часы. До сиесты осталось всего ничего. Он набрал свой домашний номер и, услышав голос жены, начальственно распорядился:

– Можешь сервировать.

* * *

Благодаря долгим годам упорных тренировок Семенов успел стряхнуть пепел ровно за миллисекунду до того, как тот чуть было не упал прямо на разложенные на столе образцы. Выверенным движением бывшего хирурга он отправил сигарету в переполненную окурками чашку Петри, будто специально и созданную для того, чтобы служить медперсоналу идеальной пепельницей. Уже за одно это изобретение в иерархии научных светил Семенов ставил упомянутого немецкого доктора превыше Пастера и самого Авиценны.

Причиной задумчивости судмедэксперта было неуловимое ощущение дежавю, уже несколько раз посещавшее его после осмотра повреждений на теле Рамона Гонсалеса. Где и когда он мог видеть нечто похожее? Не иначе тогда, когда уют был излюбленным средством, с помощью которого братки девяностых в два счета делали сговорчивее даже самого упертого собеседника.

Семенов ненавидел то десятилетие, что пережила страна, как в омут нырнув в «эпоху новых возможностей». В итоге возможностями воспользовались совсем немногие и совсем не те, кто в идеале должен был бы. И если среднестатистическому обывателю девяностые

запомнились тотальным дефицитом, карикатурным путчем и непродолжительной свободой слова, то в мозгу судмедэксперта те лихие времена вызывали куда более мрачные ассоциации. Политико-экономические пертурбации – это проблема живых, а Семенов имел дело исключительно с мертвыми. И трупов за те несколько ужасных лет через его руки прошло столько, что ими, кажется, можно было доверху заполнить порожний товарняк. А самым худшим было то, что хотя добытые во время вскрытия результаты нередко самым недвусмысленным образом указывали на преступника, никакого ареста в итоге не следовало либо задержанного тут же отпускали с миром.

Возмущенный судмедэксперт наивно попытался воззвать к чести и совести оперативников, после чего был жестоко избит какой-то шпаной, поджидавшей его у дома явно по наводке.

Очнувшись на больничной койке и усвоив преподанный урок, Семенов предпочел больше не высовываться.

Слава богу, времена поменялись, и нынешних злодеев все чаще ловят парни вроде Лучко, который, похоже, если что, готов доплатить из своего кармана, только бы достать очередного негодяя.

Сделав глубокую затяжку, Семенов невидящим взглядом уставился в стену, пытаясь освободиться от картин, навеянных постперестроечными ужасами. Однако, несмотря на всю его нелюбовь к воспоминаниям о том лихолетье, в них придется покопаться. Ключ к делу Гонсалеса, скорее всего, где-то там.

Глава 11

Соперник

По сравнению со старейшим в мире мадридским *Sobrino de Botin*, открытым еще при Петре Первом, где некогда подрабатывал официантом сам Франсиско Гойя, любое заведение покажется новоделом, даже если ему сто лет в обед.

Строго говоря, ресторан, куда они зашли, был даже чуть старше ста – ему стукнуло все сто двадцать. Но толпы едоков стекались сюда вовсе не для того, чтобы посидеть за любимым столом Федерико Гарсиа Лорки, а с единственной целью вкусно поесть. Коронным блюдом местного шефа считалась фаршированная куропатка. На ней и остановились.

– Интересно, что, по-твоему, хотел сообщить этот Дуарте моему Рамону? – спросила Вероника, пригубив вина.

Слово «моему» кольнуло слух Глебу, но виду он не подал.

– Кто ж его знает. А может, у Ригаля есть на этот счет какие-то догадки? Спроси его при случае.

– Обязательно. А что ты думаешь о Рохасе?

– Парень себе на уме.

– Считаешь, инспектор о чем-то умолчал?

– Мне показалось, он потому так тщательно и осторожно выбирал выдержки из досье, что боялся сказать лишнее.

– Вот бы заглянуть в ту папку, но, боюсь, никто не даст. Ладно, будем доискиваться сами. Первым делом надо бы поговорить с Луисом.

– Ты хорошо его знаешь?

– Да, они с Рамоном живут... то есть жили в одном доме.

– У Рамона здесь было жилье?

– Да, съемное. Рента заплачена за полгода вперед, так что квартира в нашем полном распоряжении.

– Значит, мы здесь задержимся?

– А у тебя есть возражения?

– Что ты, Толедо – милейшее место. К слову, перед самым отъездом Буре рассказал мне, что из всех путеводителей предпочитает те, что выпущены немецким издательством «Бедекер». Так вот, знаешь, что этот путеводитель говорит о Толедо?

– Дай-ка я угадаю. Помнится, Рамон цитировал на этот счет своего любимого Сервантеса. Если не ошибаюсь, тот считал Толедо – «славой и светом мира». Ну что, угадала?

– Не совсем, хотя такая цитата, несомненно, украсила бы любой путеводитель. Что же касается «Бедекера», то он весьма поэтично называет город «каменным свитком испанской истории». О как!

Вероника внезапно погрузилась.

– Эх, много бы я отдала за то, чтобы в духе твоих способностей развернуть этот «свиток», ну хотя бы самый его кончик, и прочитать то, что записалось там за последние полторы-две недели.

Глеб положил свою руку на ладонь Вероники:

– Обещаю, мы обязательно докопаемся до правды.

Лицо Вероники просветлело.

– Стольцев, я ведь так и не поблагодарила тебя за то, что ты все бросил и поехал со мной.

– Еще не поздно сделать это сейчас, – сказал Глеб, подставляя щеку для поцелуя. Вероника уже было потянулась к нему губами, но затем после секундного колебания ограничилась тем, что потрепала за загривок, словно верного пса.

* * *

Переулок, ведущий к дому, в котором снимали жилье Гансалес и Ригаль, был тесным и узким. Затем дорога внезапно расширилась и выходила на небольшую площадь с симпатичной церковью.

– Кстати, а Рамон был католиком? – поинтересовался Глеб.

– Не то слово. Когда мы переехали на его историческую родину, Рамоша, несмотря на все свои научные степени и дипломы, тут же повел себя как среднестатистический испанец: стал регулярно посещать мессу и старался не пропускать ни одного матча на Сантьяго-Бернабеу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.